

А.М. Сунгурский

КРОМКА

А.М. Сунгурский

Кромка

«Автор»

2026

Сунгурский А.

Кромка / А. Сунгурский — «Автор», 2026

Клим Рябинин нанимается поваром на «Вербу», чтобы к осени заработать на собственную пекарню в Архангельске. Но рейс к Новой Земле затягивается. Команда готовится зимовать, строит береговой дом и перевозит припасы — прежде чем лёд начинает ломать шхуну. В тесном жилье за полярную ночь обиды делаются острее, еда убывает, а болезнь меняет цену каждого выхода. Капитан умеет вести людей, но прежнего доверия уже нет. Клим предстоит кормить товарищей и самому уйти за грядущим, где кончается проверенная дорога. А плавание уже меняет всё, ради чего он хотел вернуться.

© Сунгурский А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Горелая корка	5
Глава 2. Печь на двоих	10
Глава 3. Чужой камбуз	14
Глава 4. Речная вода	18
Глава 5. Обед через силу	22
Глава 6. Большая скатерть	26
Глава 7. Дома без улицы	30
Глава 8. Люди с берега	34
Глава 9. Красная рыба	37
Глава 10. Семь дней	40
Глава 11. Другая стоянка	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

А.М. Сунгурский

Кромка

Глава 1. Горелая корка

Хлеб, с которым Клим пришёл наниматься, испортили ещё до него. Он стоял на столе в капитанской каюте, тяжёлый, квадратный, с чёрной трещиной через весь верх; рядом лежал нож, каким на берегу обыкновенно разрезали верёвку. Клим узнал свой каравай по подвёрнутому углу. Вчера вечером он продал два таких матросу с «Вербы», а теперь оба, должно быть, успели побывать возле камбузной печки.

— Ваш? — спросил капитан.

— Мой был.

Человек за столом посмотрел на хлеб, затем на Клим. Лицо у него было вытянутое, темнее шеи; на лбу осталась светлая полоска от фуражки. Он сидел в жилете поверх чистой рубахи и не предложил гостю снять картуз.

— То есть?

— Я его другим продал. Низ покажите.

Капитан перевернул каравай. Снизу хлеб был обуглен так, что при движении посыпались чёрные крошки.

— Возле огня держали, — сказал Клим. — Слишком близко.

— Грели.

— Вижу.

— А есть можно?

Клим поставил картуз на свободный край стола и взял нож. Тот оказался ещё хуже, чем выглядел: толстый, с тупым остриём и выпербинной посередине лезвия. Пришлось прижать хлеб к столу локтем. Резать на капитанских бумагах было неудобно, но бумаги капитан убрал только после того, как Клим остановился и посмотрел на него.

Под горелой коркой открылся сероватый, мелкопористый мякиш. Клим отрезал кусок, понюхал, разломил пальцами. В каюте было душно; из приоткрытого кормового окна тянуло речной сыростью и стуком погрузки. За стеной кто-то долго, с наслаждением чихал.

— Середину можно. Корку срежем.

— Сколько пропадёт?

— Смотря как резать.

— Вы как раз режете.

Клим поднял глаза. Он готовил себе другую встречу: капитан спросит, умеет ли он варить щи, солить рыбу, беречь продукты, а он ответит, что у хозяина готовил на восемнадцать рабочих и никто не жаловался. Потом они поговорят о жалованье. У порога Клим даже немного волновался, как бы не продешевить; теперь же он стоял с хлебом под локтем, и разговор всё отодвигался от денег к чёрной пыли на столе.

Он принялся снимать корку тонкими полосами. Нож всё время сползал, задевая мякиш.

— Если на судне нет другого ножа, пропадёт больше.

Капитан открыл ящик и подал ему короткий нож в кожаном чехле. Клим вытер лезвие о принесённое с собой полотенце, дочистил хлеб и сложил срезанное отдельно. Получилась горка, почти с добрый ломоть.

— Вот столько.

Капитан потрогал чёрную полоску пальцем.

— А теперь на тринадцать человек прикиньте.

— За какой срок?

— Такой хлеб каждый день. На три месяца.

Клим начал было считать, но остановился. Капитан смотрел на него без насмешки, словно и вправду не мог сам справиться с умножением.

— Надо перестать его жечь, — сказал Клим.

— Для этого мне и нужен повар.

Он протянул руку через стол.

— Василий Андреевич Лунёв.

Рука была сухая, крепкая. Клим пожал её, всё ещё держа нож в другой ладони, и назвался полным именем: Климент Дмитриевич Рябинин. На берегу его звали Климом даже мальчишки-подручные. Капитан переспросил возраст.

— Двадцать четыре.

— В море ходили?

— До Соловков.

— Пассажиром?

— Да.

— Болели?

Клим помедлил.

— Туда — нет.

— А обратно?

— Обратно было свежо.

Капитан посмотрел в кормовое окно. «Верба» едва двигалась у пристани, но вода за стеклом всё время меняла рисунок, то вдавливаясь в тень, то вспыхивая узкой полосой.

— Спрашиваю потому, что есть придётся и в свежую погоду.

— Не впервой у печи стоять.

— У печи — верю. В море не верю, пока не пробовали. Когда дурно, о котле хуже всего думать. Станете варить через силу?

Клим хотел ответить «стану», но капитан поднял ладонь.

— Не обещайте немедленно. Сначала спуститесь, посмотрите место. Лука Яковлевич!

Дверь приоткрылась; в проёме показался круглолицый человек с усами. Усы его были густые, а волосы на висках, напротив, уже редели.

— Проводите повара на камбуз. До разговора о жалованье.

— Значит, нашёлся? — Помощник окинул Клима быстрым взглядом. — И ладно. А то Саввич кашу делает так, будто крупа у него за провинность.

— Я ещё не нанялся, — сказал Клим.

— Вы сначала камбуз увидите. Потом мы станем особенно любезны.

Помощник пропустил его в тесный проход. У трапа Клим едва не ударился лбом, вовремя заметив, что Лука Яковлевич пригнул голову. Нагретое дерево пахло смолой; с палубы падали пыль и лёгкие хлопья пакли. Там переговаривались грузчики, а человек, чихавший за стеной, теперь ругался на ящик, который не проходил в люк.

— Что везёте? — спросил Клим.

— Учёных. А они — всё, что только можно уронить. Сам Лука Мизин, помощник. Яковлевич — капитан для порядка добавляет, так что не пугайтесь.

Камбуз оказался меньше чулана у Клима на прежней работе. Там стояла железная печь, над ней висели два котла; на узкой полке теснились миски, жестяная банка и перевёрнутая кружка. У печки сидел пожилой бородатый человек и держал на коленях разобранную лампу. На полу перед ним лежала тряпка, тёмная от масла.

— Саввич, вот смена.

— Не моя, — сказал старик. — Я на такую должность не просился.

Он поставил лампу на тряпку и поднялся. Оказался шире помощника в плечах, хотя ростом ему уступал.

— Руки покажи.

Клим показал ладони. Саввич взял его за запястье, посмотрел на старый ожог у большого пальца и отпустил.

— Печник?

— Пекарь.

— А этот говорит — повар.

— Готовить умею.

— Ладно бы. Меня Василий Андреевич третий день хвалит: у вас, говорит, каша густая. Нашёл как обругать, не обругав.

Помощник засмеялся и ушёл, оставив их вдвоём. Клим потрогал полку, открыл топочную дверцу. Печь была ещё горячая. Рядом с нею теснилась корзина с короткими поленьями; уголь стоял в деревянном ящике, прикрытом мешком.

— А хлеб где печёте?

Саввич показал на духовку сбоку от топки.

— Тут прежний пёк. Когда время было. Сухарей берём много.

Клим присел, осматривая низкую дверцу и чугунные направляющие. Противни были, но один настолько выгнуло, что он качался на ровном месте. Стенки духовки казались толстыми; возле задней стенки жар не давал долго держать руку, а у дверцы было почти прохладно. Печь следовало изучать, как чужой нрав. В обычной пекарне он попросил бы день на пробу, а здесь пришлось бы разбираться уже в пути.

— Воду откуда берёте?

— Из бочки. Чайник вон.

— Для мытья тоже из бочки?

Саввич посмотрел внимательнее.

— Речную пока бери. В море другое. Ты что, совсем береговой?

Клим выпрямился.

— Совсем.

Боцман не стал ни смеяться, ни утешать. Подвинул коленом ящик с углём и показал, как крепится один из котлов, чтобы его не сорвало при качке. Скоба поддавалась туго; Клим сначала потянул в неверную сторону, а затем заставил себя повторить движение Саввича. Железо щёлкнуло, котёл сел на место.

— Тут не хватайся, когда кипит. Прихватку держи ближе. А лучше две.

— Зачем вы под лампу масло пролили?

— Не пролил. Течёт.

Клим присел к тряпке. У резервуара темнел узкий шов, от которого капля за каплей сочился керосин. Саввич обмотал его полоской ткани; масло намочило и её.

— Это же возле огня.

— Потому и чиню. Ты пекарь или приёмщик?

— Да я просто.

— Просто её отсюда убери. Поговорили — и годится.

Клим поднял лампу, но Саввич сразу отобрал её: стекло было вставлено криво, и оно могло вывалиться. Они вышли на палубу, неся каждый свою часть — старик резервуар, Клим стекло и жестяной колпачок. Солнечный свет после камбуза показался белым. На Двине ходили мелкие суда; далеко, над ними, медленно перемещался дым парохода. Вода пахла так сильно, что на мгновение перекрыла печную гарь.

Молодой матрос, возившийся возле люка, спросил:

— Это новый кок?

— Пока человек, — ответил Саввич. — Дай ему освоиться.

Клим оставил стекло на свёрнутой парусине и пошёл обратно к капитану. Теперь голова сама пригнулась перед низким брусом.

Лунёв успел нарезать хлеб. Середина каравая лежала ломтями на листе чистой бумаги; чёрные обрезки он сдвинул к углу.

— Ну?

— Печь неравная. Но можно приладиться.

— Место берёте?

— Если о плате сойдёмся.

— Обычное жалование и корм. Часть на руки перед выходом, остальное по возвращении. Коль придётся задержаться — не за свой счёт будете плавать.

Клим назвал сумму, которую обдумывал со вчерашнего дня. Лунёв не согласился и предложил меньше. Спор вышел короткий: капитан считал недостатком морское неумение, Клим — достоинством то, что умеет печь и не даст муке превратиться в клёккую замазку. На середине между названными суммами они сошлись. Тогда Клим попросил ещё увеличить выдаваемую вперёд часть.

— Зачем? — спросил Лунёв.

— Дело есть.

— Это ваше дело. Однако если вы думаете заплатить деньги за науку, которую вам обещали по возвращении, не советую. Таких учителей на пристани много.

— Не за науку. За печь.

— За какую печь?

Клим объяснил про маленькую пекарню во дворе, которую можно было взять внаём с осени. Хозяин больше не хотел вставать затемно, дочери его жили в Вологде, а человек, державший торговлю сейчас, уже собирался уходить. За местом охотились двое; если внести деньги наперёд, ждать могли бы до осени. У Клим была своя доля, но не вся, и поэтому он пришёл на «Вербу».

Капитан слушал, положив палец на горелую корку.

— Вы заметили, куда мы идём?

— На Новую Землю.

— А не в Вологду. Я намерен вернуться осенью. Намерение не срок по расписанию. Лёд не спросит, заплатили ли вы за печь.

— Мне ждать тоже некогда.

Лунёв снял палец с корки.

— Тогда внесите так, чтобы вас не разорило, если задержимся.

— Вы дадите вперёд сколько прошу?

— Дам. Но откуда и за что платят, узнаете до подписи. Сесть за мой стол не значит наняться.

Он достал лист. Клим прочёл его дважды, стараясь не шевелить губами: привычку над ним высмеивали ещё в школе. Фамилию капитана он успел забыть и теперь заново прочёл — Лунёв. Потом спросил о продуктах, помощнике для чистки котлов и часах выдачи еды. На последний вопрос капитан ответил, что часы надо согласовать с вахтами. Клим не понял, с какими именно; Лунёв позвал Мизина, и они ещё некоторое время сидели втроём.

Выходя, Клим забрал картуз и полотенце. Горелую корку он машинально завернул в него, но капитан остановил:

— Оставьте. Курам на берег отнесут.

Клим вынул обрезки. Полотенце теперь было в чёрных пятнах, и ему хотелось сказать, что он не всегда приходит к людям с такой тряпкой. Он промолчал, сунул свёрток под мышку и поднялся на палубу.

Молодой матрос уже втащил в люк непроходивший ящик и теперь сидел возле него, вытирая лицо рукавом.

— Ну что, берут?

— Берут.

— А пироги будут?

Клим посмотрел на небо, на большую реку, на тяжёлую шхуну у пристани. Он успел почувствовать себя человеком, которому открыли дорогу, и потому ответить хотелось щедро.

— Будут.

Матрос обрадовался так откровенно, что обещание сразу стало тяжелее. Клим пошёл по сходне, придерживаясь за натянутый канат. Под доской плеснула вода; впервые за утро он подумал, что в море этой воды не станет меньше.

Глава 2. Печь на двоих

Пелагея взяла деньги не сразу. Она сперва пересчитала их на краю прилавка, затем посмотрела на Клима, а он, не дожидаясь вопроса, сказал, что получил вперёд, по найму. Шхуну она знала: ходила мимо пристани к тётке и видела дважды, как у судна грузились.

— Значит, всё-таки нанялся.

— Печь наша будет.

— Она пока Ивану Егорычу принадлежит.

— Я про то место, не про кирпичи.

В лавке пахло мылом, сушёными яблоками и селёдочным рассолом. Пелагея сидела за прилавком в тёмном платье, поверх которого повязала серый фартук; волосы у виска выбились из причёски, и она то и дело убирала их пальцем, оставляя возле глаза мучную пыль. Утром здесь перевешивали крупчатку. Клим знал эту пыль — она забиралась в кожу, под ногти, в складку возле уха, а на улице обнаруживалась уже в месте, которого будто бы вовсе не касались.

Он потянулся было стереть след с Пелагеиной щеки, но та отодвинулась, не сердясь.

— Потом. Сейчас человек придёт.

Они оба посмотрели на дверь, хотя колокольчик молчал. За окном прошла женщина с корзиной; её тень скользнула через мелкие коробочки на полке.

— Я говорил с капитаном, — сказал Клим. — Как придём, ещё будет. Хватит и на первый мешок, и на сахар.

— А если не придёте к сроку?

Он сел на свободный табурет возле бочки с огурцами. Было неприятно услышать вопрос, который уже задал капитан: Клим не успел даже порадоваться своим деньгам между двумя разговорами о том, как всё может не получиться.

— Так вернусь позже.

— А мне печь до твоего возвращения держать пустую?

— Кто сказал пустую? Ты начнёшь.

Пелагея собрала деньги в ровную стопку. Делала она это медленно, по одной бумажке, не глядя на него.

— Я торговать умею. И счёт вести. Ты поэтому меня позвал, если помнишь.

— Помню.

— Калачи я для тебя печь не научилась.

Клим и сам не ждал, чтобы она стала ночью у печи. С самого начала они думали иначе: он заведует тестом и выпечкой, она — продажей, закупками и книгой расходов. Две половины небольшого дела складывались так удачно, что будущая пекарня уже существовала для него в подробностях. Он видел широкую лопату у стены, свои полотенца, ряд остывающего хлеба; Пелагея стояла у окна и считала выручку. О том, как она одна станет ждать его у холодной печи, он не подумал.

Колокольчик звякнул. Вошёл старик, попросил четверть чая и стал выбирать так долго, будто покупал землю. Пелагея показала ему три коробки; Клим встал, освободив узкий проход к весам. Старик поинтересовался, почему один чай дешевле другого, отверг объяснение и взял тот, который лежал в третьей коробке. У двери он вернулся за сахаром.

Клим смотрел, как Пелагея отламывает куски от большой сахарной головы, заворачивает покупку, считает сдачу. Она не торопила старика и не слушала его сверх необходимого. На прежней работе Клим за меньшее успевал вспылить; ему казалось, человек, покупающий хлеб, должен знать, какой он хочет. Пелагея умела подождать, пока человек это узнает.

Когда дверь закрылась, она сказала:

— Я возьму место с осени, если Иван Егорыч согласится. А печь до тебя можно отдать в работу другому. За плату. На оговорённое время.

— Кому?

— Кто умеет. Узнаем.

— Он весь двор под себя переделает.

— Тогда не дадим переделывать.

— Ты же понимаешь, это всё иначе пойдёт.

Пелагея положила его деньги в отдельный конверт и написала на нём сумму.

— А сейчас как идёт? Ты вчера работал в пекарне. Сегодня нанялся на море. Я должна про это в твоей голове узнать или ты прежде со мной поговоришь?

Клим хотел напомнить, что говорил о шхуне ещё на прошлой неделе. Но тогда Пелагея спросила, долго ли рейс; он ответил — недолго — и стал рассказывать о жалованье. Теперь этот разговор вспоминался совсем коротким.

— Место могло уйти, — сказал он.

— Могло. Я не прошу тебя обратно увольняться.

— Тогда что?

Пелагея убрала счёты под прилавок, сняла фартук и повесила его на гвоздь. Лавка принадлежала её двоюродному брату; после обеда он обычно приходил сам. Сейчас она оставила на видном месте записку, чтобы знал, кто сколько взял, и заперла кассовый ящик.

— Пойдём посмотрим эту нашу печь. Пока ещё можно днём смотреть.

Иван Егорыч жил в глубине двора, который Клим уже успел назвать Пелагеиным. У забора стояли две телеги, меж ними сушилась сеть; сетевязальщик снимал со шнурка деревянные поплавки и складывал в корзину. Пелагея остановилась, пропуская грузённого человека, а Клим потянулся помочь. Тот отказался так сердито, что Пелагея засмеялась.

— Уже хозяин?

— Человек надорвётся.

— Он нам потом сам скажет.

В пекарне было темно после улицы. Иван Егорыч затворил внутреннюю дверцу и надел пенсне; Клим всякий раз не понимал, зачем пекарю пенсне у печи. Старик увидел Пелагею и немного изменил манеру: перестал обращаться к Климу через плечо, вытер с лавки муку.

Печь занимала почти всю дальнюю стену. Клим подошёл к ней прежде, чем поздоровался как следует. Он провёл ладонью по гладкому краю шестка, заглянул внутрь. Под был выметен, в углу осталась россыпь золы. Когда он вставал у такой печи, всё чужое в комнате отступало: разбитая кружка, хозяйская палка, календарный лист, который забыли оторвать. Имело значение, где огонь гуляет свободно, где задерживается жар, как станет подходить хлеб.

— Протопка когда была? — спросил он.

— Утром. Не остыла ещё.

Клим присел к устью и приблизил ладонь к тёплому воздуху. С этой печью можно было работать долго. Она требовала подмазки, дверца скребла по кирпичу, зато свод был целый, и запах стоял правильный — сухой, хлебный, с лёгкой горечью старой золы.

За его спиной Пелагея разговаривала о деньгах. Она спросила, за что отвечают будущие наниматели, кому чинить крышу и пускать ли посторонних в хлебный амбар. Иван Егорыч отвечал охотно, пока она не упомянула другого пекаря на время отсутствия Клим.

— Мне спокойнее с тем, кого видел, — сказал он.

Клим выпрямился.

— Вот и я так говорю.

Пелагея посмотрела на него. Клим покраснел.

— Однако человек в рейс идёт, — продолжала она. — Если поздно придёт, я аренду с пустого места платить не сумею. Либо начнём, когда он вернётся, либо разрешите временного работника. Вы его прежде увидите.

— А мука чья будет?

— Наша. Только это отдельно посчитаем.

Старик снял пенсне. Без него глаза у него стали маленькие и усталые.

— Вы двое вместе дело-то вести намерены?

— Вместе, — сказал Клим.

Пелагея ответила не сразу. Она оглядела помещение, остановилась взглядом на окне, которое Клим давно отвёл ей, и подёргала тугую раму. Нижний угол отстал; в комнату потянуло теплом со двора.

— Вместе, если друг другу говорить будем.

Клим подошёл и помог поднять раму. Снизу она заела, пришлось повести ровнее; вдвоём справились. Из окна были видны только забор, сетевязальщик и неширокая полоса неба. Продавать здесь было тесно, зато не надо стоять со своим лотком на холодном ветру. Клим заметил, как Пелагея примерилась к высоте подоконника, поставив ладони на край.

Деньги Иван Егорыч взял не все. Они условились, что малой суммой закрепят разговор, а остальное внесут, когда при помощи знакомого писаря запишут условия. Временного работника старик пока не обещал принять, но разрешил привести. Это было меньше, чем Клим хотел услышать утром, и больше, чем имел накануне.

На улице Пелагея выдала ему часть денег обратно.

— На дорогу оставь.

— Меня кормить будут.

— Сапоги тоже капитан купит?

Клим посмотрел на свои сапоги. У правого мыска кожа была свеженавощённая, а возле шва уже пробивалась светлая нитка. Он отдал бы сейчас половину будущего жалованья, только бы не выглядеть при Пелагее человеком, которому приходится указывать на собственные ноги.

— Куплю.

— И рубаху. Не ту, что у Марьи зашитая.

— Ты уже с Марьей говорила?

— Она в лавку ходит. Я же не из твоего кармана каждый раз появляюсь.

Они шли вдоль дворов к большой улице. Клим хотел спросить, будет ли Пелагея ему писать, но не решался: не знал, как отправить письмо туда, куда и адреса-то толком нет. Попросить ждать казалось ещё труднее. Он привык представлять её возле окошка пекарни, и теперь выяснилось, что для такой простой картины нужно отдельно обо всём договариваться.

— Если найдёшь пекаря, — сказал он, — пусть сдобу не ставит сразу. Сначала чёрный хлеб. На нём видно.

— Что видно?

— Всё. Не спрячешь ни плохую муку, ни спешку.

Пелагея повернулась к нему. У щеки всё ещё белел мучной след.

— Хорошо. Скажу, что на чёрном хлебе всё видно.

Он достал чистый угол полотенца. Пелагея не отстранилась; позволила стереть пыль, потом сама забрала полотенце и посмотрела, чем оно испачкано.

— А это что?

— Хлеб.

— Ты на работе спал?

— Нет, — сказал Клим. — Меня так нанимали.

Она выслушала историю про капитана и хохотала, пока он говорил о тупом ноже. А у поворота, где им надо было расходиться, неожиданно стала серьёзной.

— Ты про море спрашивай, когда не знаешь. Там ведь не догадаешься по запаху.

— Ладно.

Она задержалась, ожидая, скажет ли он ещё что-нибудь. Клим видел и её ожидание, и невозможность произнести одним махом всё, что накопилось за утро. Наконец он спросил:

— На пристань придёшь?

— Скажи только, когда выходите.

Он кивнул и пошёл к Марье. Пелагея окликнула вслед:

— Прежде чем выйдете, скажи!

Клим обернулся. Она уже смеялась, но ответ он дал громко, чтобы расслышала через улицу:

— Прежде!

Глава 3. Чужой камбуз

На следующий день Клим пришёл с двумя ножами, тремя полотенцами и собственным маленьким точильным камнем. Всё это он завернул в рубаху, которую Марья нашла слишком хорошей для грязных железок. Саму рубаху сестра всё-таки оставила ему, только приказала потом отстирать. Новые вещи Клим пока не купил: хотелось сперва увидеть, как живёт нанятый человек на «Вербе», и не отдать лишнее за ненужное.

Саввич встретил его с огромной связкой ключей. Боцман держал её, как связку рыбы, за одно железное кольцо.

— Твоего тут два. Остальные не трогай, а то соблазн будет.

Один ключ отпирал провизионный чулан, другой — ящик с чаем и сахаром. Клим сразу спросил, где будут держать запасную муку. Боцман отвёл его вниз, где ещё не окончили укладку: мешки лежали на настиле, между ними торчали бочонки и связки вёсел. Внизу было прохладнее, чем в камбузе, но к древесному запаху примешивалась сырость.

— До края не двигай, — предупредил Саввич, когда Клим потянул крайний мешок. — Оставь воздуху пройти. Это тебе не береговой амбар.

Клим отпустил мешковину и присел возле шва. На белой ткани возле шпагата желтело пятно.

— Мокрый?

— Где мокрый?

Саввич стал рядом на колено. Они пощупали мешок. Верх был сухой, а бок, прилегавший к соседнему, холодный и липковатый. Клим развязал горловину и опустил руку в муку. Та слежалась у стенки; в середине ещё легко текла между пальцев. Он вынул щепоть, растёр на ладони, понюхал.

— Этот отдельно.

— Сперва разберём, сколько намочили.

— Если с другими оставить, доброго не будет.

— Так и не оставим. Ты только не тащи один, я человека позову.

Саввич поднялся. Клим тем временем проверил соседние мешки; два оказались сухими, третий намок внизу. Он рассердился на поставщика, которого ещё ни разу не видел, затем на тех, кто укладывал груз. Легко было сначала принять, а после свалить на повара, что испортилось.

Пришёл коренастый матрос с рыжеватыми бровями и полоской пота на вороте. Он молча выслушал Саввича, затем спросил Клим:

— Весь поднимать?

— Два пока.

— Ты скажи, куда поставить. Мне третий раз его не обнимать.

Клим хотел отправить мешки на палубу, но матрос показал вверх: там стучали тяжёлые сапоги грузчиков, у люка стояла очередь из ящиков. Вытащить сейчас два мешка означало задержать весь остальной груз.

— Здесь к люку подвинем, — решил Саввич. — После обеда вверх.

— Мне нужен сухой мешок, — сказал Клим. — И лист, куда записать, какие приняли плохими.

Матрос посмотрел на него с некоторым одобрением.

— Это правильно. А то я с парохода как-то в чужом долгу за бочку пришёл. Осип я, Батурин. Подхватывай снизу.

Они переставили мешок. Пока Клим искал, где удобнее взяться, Осип ждал и не спешил принять тяжесть на себя. Боцман придерживал второй мешок, чтобы тот не свалился в осво-

бодившееся место. Втроём работа заняла меньше минуты; Клим успел содрать кожу на пальце о щепку, торчавшую из настила.

На палубе он нашёл Мизина и рассказал про муку. Помощник выслушал, достал записную книжку, выяснил, какие мешки намокли.

— Я с поставщиком разберусь.

— Чтобы не записали на меня.

— Не запишут. Вы вчера ещё не служили.

— Я про потом.

— А потом вы мне скажете. Мы так далеко друг от друга жить не будем.

Помощник убрал книжку и пошёл к люку. Клим остался стоять: ему хотелось ещё показать, где именно мокро, чтобы Мизин понял не со слов. Но тот уже отвечал плотнику, а со стороны пристани появился человек с пакетом в руке, требуя капитана.

На камбузе его ждал вчерашний молодой матрос.

— Меня вам дали, — объявил он. — Пока до обеда. Ваня.

— А дальше?

— Дальше смотри как пойдёт. Саввич сказал, много не балуй.

Клим осмотрел Ванины руки: чёрные от смолы возле ногтей, с красной ссадиной на костяшке. У самого Клима руки были такие же рабочие. Они вымылись по очереди над ведром. Ваня плеснул так щедро, что вода перелилась через край, и Клим остановил его.

— Для котла оставь.

— Так у берега ещё. Могу принести.

— Принеси. И картошку чистить будешь.

— Пирог сегодня?

— Сначала посмотрим, какая печь.

Ваня вздохнул, но пошёл за водой с охотой. Он был того возраста, когда поручение на новом месте ещё кажется началом большой дружбы. Клим вспомнил, как сам в шестнадцать лет любил подносить старшему мастеру опару: мастер позволял сначала вдохнуть её запах и только потом брал посуду.

Первый обед на «Вербе» Клим сделал простой. Из свежей говядины варился суп с кореньями, к нему полагались вчерашний хлеб и лук. До долгого рейса запас берегли, но на пристани ещё можно было купить свежего мяса. Клим попробовал бульон, снял пену и отправил Ваню за маленьким деревянным столиком, на котором удобнее было бы резать.

Столик не прошёл в камбузную дверь. Ваня повернул его набок, стукнул ножкой о косяк и замер в ожидании выговора.

— Где взял?

— Ефим дал. Сказал, подрежет, если не влезет.

Плотник появился следом, словно только для того и дал столик. Он посмотрел на дверь, на печь, на Клима, потом попросил того выйти.

— Дверь снимать? — спросил Ваня.

— Стол.

Ефим отвернул две ножки. Без них столешница прошла легко; внутри он снова собрал её и поставил к переборке. Стоять стало теснее. Если Клим открывал топку, Ваня должен был прижиматься к стене, а из камбуза теперь нельзя было выйти, не обогнув столик.

— И куда мне его? — спросил Клим.

— Ты просил.

— Я не думал, что так встанет.

Ефим, не отвечая, вынул из кармана карандаш и приложил его к стене. Он придумал откидную полку; столик вернул обратно, а на стене остались две короткие чёрточки. Клим хотел узнать, когда полка будет готова, но услышал, как наверху зовут плотника, и промолчал.

Тем временем суп чуть не убежал. Ваня потянулся снять крышку голой рукой, Клим перехватил его запястье и подал полотенце. Молодой матрос поблагодарил так серьезно, будто его только что вытащили из воды. Когда же Клим спросил, куда он дел черпак, Ваня указал на полку — черпак стоял ручкой к самой горячей трубе.

Они оба посмотрели на него. Потом Ваня засмеялся первым, а Клим, хотя и сердился, не удержался.

К обеду явились почти все. Ели на палубе и внизу, кто где успел устроиться; Мизин ещё не наладил порядок, потому что люди то уходили на пристань, то возвращались. Никита, худой матрос с приматыми светлыми волосами, попросил положить ему поменьше мяса.

— Совестьливый? — спросил Саввич.

— Жарко. Мне бы жидкого.

Клим дал жидкого. Никита постоял, поглядел на котёл.

— А мясо потом можно будет?

— Вот хитёр, — сказал Осип. — Сначала напьётся, потом наестся.

Никита не стал отпираться. Он уселся возле люка с кружкой и ел, закинув голову, чтобы не зацепить ложкой густые усы. Все успели пройти через камбуз, кроме капитана и учёных; им Клим отложил еды в небольшую кастрюлю, поставив её на холодный край печки.

Гриша Глушаков появился как раз тогда, когда Клим собрался есть сам. В одной руке юноша нёс стеклянную банку, в другой сжимал ложку.

— Мне Николаю Эдуардовичу.

— А банку зачем?

— Пока сюда нальёте. У нас посуда в ящике.

Клим взял банку, поднёс к носу и отодвинул. Внутри пахло чем-то резким и чужим супу.

— Нельзя в неё.

— Она вымыта.

— Вымыли — и хорошо. Из неё есть нельзя. Что было?

Гриша не знал. Он покраснел и стал объяснять, что выбирал самую чистую. Ложка в его пальцах дрожала, ударяя по стеклу. Клим вспомнил собственный первый день у пекаря и передал ему две миски из своего запаса.

— В этих отнеси. И себе возьми. Потом верни.

— Мне тоже?

— Ты нанялся не есть?

Гриша улыбнулся и исчез, осторожно неся обе миски перед собой. По трапу он двигался, как человек с полными руками, которому никто не показал, как ставить ноги.

Естественник пришёл сам спустя четверть часа. Его длинное светлое лицо было покрыто мелкими каплями пота; на рукаве темнело пятно от чернил.

— Это вы Климент? Николай Эдуардович Берг. Благодарю вас. Очень хороший суп. Только просьба: от нашей тары ничего никуда не выливайте. Даже если покажется пустой.

— Я и не собирался.

— Прекрасно. Григорий мне рассказал про банку. Вы правы, есть из неё не следовало. У нас часть посуды для совсем другого употребления.

Клим ждал извинения за то, что ему пришлось давать собственные миски. Берг тем временем рассматривал печную заслонку.

— А в такой печи вы можете держать ровный жар?

— Пока не знаю.

— Было бы замечательно кое-что сушить, если у вас найдётся возможность. Не сегодня. Мы ещё поговорим.

Он предложил руку, поблагодарил снова и ушёл. Клим посмотрел ему вслед, ощущая, что суп, едва приготовленный, уже стал для одного человека поводом похвалить, а для другого — приспособить его печь под собственные надобности.

Вечером Ефим принёс полку. Пока плотник крепил её, Клим месил маленькую пробу теста прямо в миске. Сухая мука была хорошая. Дрожжи он взял у знакомого на берегу, в аккуратно завернутом узелке; позже пришлось бы беречь закваску и справляться без такого удобства. Ефим постучал по новому креплению.

— Снизу подними. Упор сам отойдёт.

Клим попробовал. Полка сложилась, освобождая проход. Ему стало так приятно, что он позвал Ваню посмотреть, хотя тот уже ушёл с камбуза и тёр палубу вместе с другими.

Ваня выглянул сверху.

— Пироги?

— Полка.

— А. Хорошая.

Ефим собрал стружку в картуз и вышел. Клим остался с тестом. Первый маленький хлебец он вынул рано: снаружи тот подрумянился, внутри ещё лип к пальцу. Второй поставил дальше от задней стенки, прикрыл сверху обрезком жести и стал ждать. На пристани погас один огонёк, затем другой. В каюте капитана ещё светилося окно; из соседнего помещения доносился тихий спор двух голосов, и чья-то трубка пахла сладким табаком.

Второй хлебец удался. Клим разломил его, дав выйти пару, отнёс половину Саввичу и одну горбушку оставил возле своей миски. Остальное поднял на палубу. Там сидели Осип и Никита; Ваня, примостившись рядом, уже дремал с опущенным на грудь подбородком.

— Ну, — сказал Никита, принимая тёплый кусок, — у нас и на берег теперь причины нет сходить.

Ваня проснулся от запаха. Он взял свою долю обеими руками, как маленькую птицу, откусил и некоторое время жевал совершенно молча.

Клим сел на моток каната. Спина болела, палец саднило от щепки, рубаха под мышками высохла жёсткими складками. О море, до которого они ещё не дошли, он не знал ничего; зато в непривычной печи у него испёкся хлеб, и люди возле люка ели его с тем лицом, которое он любил больше всякой похвалы.

Чуть позже пришёл Мизин. Он сказал, что оба мокрых мешка поставщик заменит утром, затем попросил отломить и ему.

Клим протянул последнюю горбушку. Свою он ещё не съел; она ждала внизу, возле миски с остывшим супом.

Глава 4. Речная вода

В день выхода Марья стирала с рассвета. Во дворе под навесом шёл пар, на верёвке уже висела первая простыня, а рядом мокла в корыте ещё целая гора белья. Клим проснулся от стука: сестра колотила деревянной мешалкой по краю котла, пытаясь снять прилипшую к ней полосу ткани.

Он вышел, придерживая одной рукой не до конца застёгнутую рубаху.

— Ты бы меня разбудила.

— Вот и разбудила. Вон ту бадью подтащи поближе. Не за обод, за ручки.

Клим взялся. Полная бадья едва оторвалась от земли; вода плеснула ему на новые сапоги. Марья перестала бить мешалкой и смотрела, пока он не поставил бадью возле корыта.

— Сегодня вернутся за бельём, — сказала она. — Я думала, завтра. А приказчик с вечера прибежал, что непременно сегодня.

— Отказала бы.

— Тогда другой отдадут.

Бельё было из дома, где Марья мыла полы дважды в неделю. Эту стирку ей отдавали отдельно, и она ждала её с таким же волнением, с каким Клим думал о будущих покупателях. Он глядел на мокрые руки сестры и только теперь понял, почему она вчера не расспрашивала его о дороге. Для расспросов надо было сначала разделаться со своим утром.

Он принёс ещё два ведра. Потом Марья велела идти одеваться: если станет помогать дальше, непременно опоздает. В комнате на столе лежал его швейный свёрток, который он собирал накануне. Сестра добавила к ниткам и лоскутам маленькие ножницы с потемневшими кольцами. Они принадлежали ещё их матери.

— Эти возьму? — спросил он из дверей.

— Возьми. Только сухими держи. У меня другие есть.

Клим завернул ножницы и положил в мешок. Хлеб ел стоя, запивая вчерашним чаем из кружки: за новый самовар сегодня никто не брался. Во второй комнате зашевелился младший Марьин сын. Клим заглянул к нему, поправил сползшее одеяльце, и мальчик, не просыпаясь, тут же вытолкнул его пяткой обратно.

Марья вошла за очередной охапкой белья, увидела готового к выходу брата и остановилась посреди комнаты. Рукава у неё были закатаны, на подбородке блестела вода.

— Мне с тобой до пристани не дойти, — сказала она.

— Ты уже сказала.

— Я не про бельё. Не дойти мне. Всякий раз думаю: сейчас к воротам придём, там что-нибудь ещё спросишь. А там всё.

Он поставил мешок. Сестра прижалась лбом к его плечу, стараясь не задеть рубаху мокрыми руками. Клим обнял её, и некоторое время они слышали только, как на дворе капает с простыни в пустое ведро.

— Весточку дай, как доберёшься к людям, — сказала Марья, отстраняясь. — Сначала что жив, потом всё остальное.

— Дам.

У ворот он обернулся. Сестра уже несла бельё к навесу, придерживая охапку подбородком; в комнате проснулся ребёнок и требовательно позвал её. Марья отозвалась, подняла локоть на прощание и пошла в дом, не выпуская мокрой тяжести.

У пристани былолюдно. Люди с «Вербы» проходили по сходне с последними узлами, двое береговых рабочих сворачивали оставленную на досках верёвку. Мизин держал список и поочерёдно спрашивал подошедших, не забыли ли чего. Все отвечали, что не забыли, кроме Семёна Вербова: тот задумался, поставил мешок и неожиданно ушёл обратно вдоль пристани.

- Долго? — крикнул помощник.
- Недолго.
- Что забыли?
- Сейчас.

Мизин посмотрел ему вслед с выражением человека, который получил исчерпывающее объяснение.

На палубе уже закрепили обе шлюпки. Большую поставили прочнее, подложив деревянные колодки; меньшая занимала место ближе к корме. Вёсла хранились отдельно, связанные по порядку. Клим последние дни запоминал всё, что мог: где не ступать, за какой канат не браться, какие вещи только выглядят брошенными. Чем больше он узнавал, тем теснее становилась палуба.

- Ефим передал ему обрезок доски.
- На полку. Под горячее.
- У меня есть.
- Это сухое. Возьми.

Клим забрал дощечку, отнёс её вниз и уложил мешок с вещами возле своей койки. Койка была узкая; выпрямить ноги можно, раскинуть руки уже нет. Рядом на соседнем месте лежал Осипов узел, из которого торчала маленькая вязаная рукавица. Клим не стал трогать: она могла оказаться детской, а могла просто быть недовязанной.

Когда он поднялся, Семён уже возвращался. В руке нёс медный чайник, завернутый тряпичей.

- Свой? — спросил Мизин.
- На починке был.
- Наш ведь годен.
- Так этот мой.

Больше помощник спрашивать не стал. Семён поднялся на борт, бережно держа чайник за ручку, и исчез внизу. Его лицо Клим ещё не запомнил; запомнил только широкую переносицу и две глубокие складки, из-за которых человек казался постоянно невыспавшимся.

Пелагея пришла одна. Она стояла на пристани возле столба, пропуская рабочих; платье надела другое, синее, без лавочного фартука. Клим увидел её с палубы и машинально вытер руки о штаны. Руки были чистые, и он только после этого заметил, что делает.

- Можно вниз? — спросил он у Мизина.
- Только обратно без свадьбы. Нам ветер ждать некогда.

Клим спустился по сходне. Пелагея протянула ему маленький плоский пакет.

- Для бумаг. Чтобы не в кармане.

Внутри был клеёнчатый чехол, сшитый неровными, но крепкими стежками. Пелагея сама объяснила, что игла ломалась о край.

- Деньги отдельно держи. Это для писем и записок.
- А письма где возьму?
- Своё сначала напишешь. Потом, может, и моё будет куда получить.

Он хотел спросить о человеке для пекарни. Уже открыл рот, но Пелагея подняла на него глаза, и вопрос остался невысказанным. Вместо этого Клим сказал:

- Я твоего лица без муки почти не знаю.

Она усмехнулась.

- Хорошо хоть узнаёшь.

Они постояли рядом. С судна спустили канат, на маленьком буксире, который должен был вывести «Вербу» вниз по реке, ответили криком. Пелагея посмотрела туда, потом на сходню.

- Мне тебя теперь на полгода представлять таким нарядным?

— Мы раньше вернёмся.

— Представлять всё равно придётся.

Он взял её за руку. Она позволила поддержать, затем сама сжала его пальцы. От этого простого движения стало труднее, чем от всяких слов о море. Клим наклонился и поцеловал её возле виска; она повернула лицо, поцеловала его в губы быстро, почти сердито, как будто иначе он ещё долго решался бы.

Сверху позвал помощник. Клим не ответил сразу. Пелагея выпустила его руку и сказала:

— Иди. Они уже смотрят.

Никто, кроме Мизина, на них не смотрел. Боцман ругался у носа, матросы выбирали канат; у кормы Берг проверял, всё ли поднято с пристани. Веденин, высокий человек в чистой серой куртке, пытался закурить, прикрывая огонь ладонью. Только Гриша стоял у борта и махал кому-то своим картузом. Клим посмотрел на берег, но не понял, кому именно.

Он поднялся, убрал чехол за пазуху и встал так, чтобы Пелагея его видела. От шхуны сняли последнюю сходню; доска качнулась, скользнула к берегу. Небольшое расстояние между пристанью и бортом вдруг стало водой, по которой нельзя просто перейти.

«Верба» тронулась неохотно. Буксир потянул, канат натянулся, и у носа возникла длинная складка воды. Потом шхуна начала отходить свободнее. Пелагея шла вдоль пристани, пока могла, остановилась у чужих ящиков и подняла руку. Клим поднял свою. Ему хотелось крикнуть что-нибудь такое, что она запомнит надолго, но рядом Саввич требовал освободить проход, и Клим отступил.

Когда он снова оказался у борта, синее платье уже терялось между людьми.

* * *

Река весь день была больше, чем представлялось с пристани. Дома редели, появлялись зелёные берега и длинные, похожие друг на друга полосы воды. Клим прежде плыл здесь пассажиром, сидел, куда посадили, и ждал следующей остановки; теперь любое движение судна могло пролить его суп или заставить крышку съехать с котла. Он бегал наверх только на минуточку.

К обеду шхуна ещё шла за буксиром. Гриша, принёсший миски обратно, спросил, можно ли помочь.

— Воду подай, — сказал Клим. — Из той бочки. Сначала спроси, чем черпают.

Гриша исполнил всё так тщательно, что потом принёс и кружку, и черпак, и крышку от бочки. Клим хотел отчитать его за лишнюю беготню, однако юноша уже улыбался: ему, должно быть, поручали одни ящики и бумагу, а здесь он наконец принёс что-то нужное немедленно.

— Крышку обратно, — сказал Клим. — Остальное ставь. Обедать?

Гриша помотал головой.

За едой он рассказал, что провожала его мать, отец умер давно, а нанял его Николай Эдуардович после знакомства с учителем. На зиму Гриша прежде и из города почти не уезжал; теперь собирался увидеть белых медведей и горы.

— Ты медведя близко не гляди, — посоветовал проходивший Осип. — Со стороны любуйся.

— Я знаю.

— Знать одно. Когда покажется, все бегут поближе.

Осип остановился у печки и посмотрел в котёл. Клим предложил добавку; матрос отказался, сказал, ему скоро наверх. Постоял ещё немного, засунув руки за пояс.

— У тебя семья? — спросил он у Клима.

— Сестра.

— А своя?

— Пока нет.

Осип кивнул так, будто это кое-что объясняло в качестве супа, и ушёл. Гриша проводил его взглядом.

— Он со мной на «ты», а я не знаю, можно ли мне.

— По имени зови. Что тебя за это съедят?

— Нет, я просто.

Клим услышал собственные вчерашние слова и почувствовал к Грише неожиданную нежность. Отрезал ему ещё хлеба, хотя тот не просил, затем всё-таки велел не сидеть долго — у Берга наверняка найдётся работа.

К вечеру от буксира освободились. Клим стоял у выхода на палубу, когда над головой пошли вверх полотнища парусов. Люди работали без той неторопливости, которая на берегу сопровождала почти каждое действие. Мизин распоряжался, Саввич, держась одной рукой, оглядывал снасти, вторая его рука всё время что-нибудь показывала. Шхуна накренилась, и Клим сперва подался вслед за ней, лишь потом ухватился за косяк.

Из камбуза раздался стук. Он кинулся вниз и поймал миску, съехавшую с полки. Ещё одна разбилась о край ящика. Горшок с луком уцелел, потому что стоял на полу; Клим пере- ставил его в угол и стал убирать всё, что прежде казалось достаточно устойчивым.

Когда он кончил, в дверях появился Саввич.

— Чего разбил?

— Миску.

— Человек цел?

— Цел.

Боцман заглянул на полку и дёрнул её упор. Тот держал крепко. Тогда он подобрал черепок, посмотрел на него с двух сторон и выбросил в ведро.

— Добро. Теперь, что ставишь, сперва толкай. Не валится — значит, можно.

Он ушёл, а Клим стал толкать. Миски, банку с солью, чайник, собственный точильный камень. Камень сдвинулся. Клим убрал его в ящик и закрыл крышку.

За ужином вода под бортом уже шумела иначе. В этот шум вошло что-то просторное и равнодушное к трём ложкам, которые Клим не успевал вымыть. Он вынес ведро, осторожно поднялся по трапу и задержался наверху.

Берега были далеко. Свежий ветер проходил через рубаху, лип к лицу солью, хотя Клим пока не мог бы отличить её от речной сырости. Небо оставалось светлым; солнце низко лежало над водой, и тени от снастей пересекали палубу.

Он вспомнил Пелагеино окно и впервые подумал, что за всё лето свет в нём будет меняться без него.

Глава 5. Обед через силу

Первые сутки Клим держался так хорошо, что успел перестать бояться качки. Он выносил еду наверх, спускался с пустой посудой и, становясь у печки, каждый раз радовался своей предусмотрительности: всё привязано, всё лежит по местам. Утром даже поддел Гришу, который вышел на палубу бледный и так долго смотрел на воду, что не услышал, как его зовут.

— Ты в неё не гляди. Она от этого не остановится.

Гриша хотел ответить, но только махнул рукой.

К полудню следующего дня стало хуже. Шхуна начала подниматься длинно и тяжело, затем проваливаться вниз, а каждый такой провал Клим чувствовал прежде ногами и только потом животом. Он укрепил котёл с горохом и попробовал заняться луком. Луковица поворачивалась под пальцами; не было понятно, скользит ли она по доске или вместе с доской уходит в сторону весь камбуз.

Запах от надрезанной мякоти оказался нестерпимый. Клим положил нож, отступил к двери и подождал. В печке трещали поленья, над котлом ровно шёл пар. Ничего ещё не случилось. Он был одет, сыт, стоял на целых ногах и видел собственные руки, однако тело вдруг сообщило ему, что продолжаться так больше не может.

До палубы он дошёл. Дальше на какое-то время исчезло всё, кроме поручня под ладонью и страшного желания, чтобы следующий приступ оказался последним. Море внизу не принимало его страдания близко: борт поднимался и опускался, вдоль него бежала вода, и всякий раз, когда Клим уже думал перевести дыхание, шхуну снова наклоняло.

Кто-то придержал его за пояс. Он не смог оглянуться.

— На подветренную сторону, — сказал Саввич. — Не туда голову суй.

Боцман перевёл его, не отпуская ремня. Клим покорно переставлял ноги. Слово «подветренная» он слышал уже не раз, но только теперь понял его с такой ясностью, какую никакое объяснение не могло дать заранее.

Потом он сидел у переборки, положив лоб на рукав. Саввич, кажется, спрашивал, сможет ли он вернуться к печи. Клим отвечал «сейчас» после каждого вопроса, пока боцман не перестал спрашивать.

Когда приступы ослабли, унижение оказалось едва переносимее дурноты. Ему хотелось, чтобы все занялись парусами, ветром, чем угодно, только не сидящим возле двери поваром. Он поднялся и пошёл вниз, по пути уверяя себя, что теперь всё кончилось.

В камбузе горел горох.

Негромкий, ещё не страшный запах уже разлился под потолком. Клим снял крышку, пар ударил в лицо, и его снова повело. Он ухватился за край полки, заставил себя удержаться. В котле сверху было жидко; снизу черпак упирался в приставший ко дну слой. Если мешать осторожно, не задевать чёрное, ещё можно спасти.

Он добавил горячей воды из чайника. Сверху получилось лучше. Клим посолил, попробовал с кончика ложки и тут же выплюнул в пустую миску: он уже не мог определить, горчит ли горох или это собственный рот.

В дверь заглянул Павел Косых. До этого они обменялись едва десятком слов. У Павла было спокойное, немного заспанное лицо; говорил он тихо, словно не хотел тратить голос без надобности.

— Скоро?

— Скоро.

— Лука Яковлевич спрашивает. Первым пора есть.

— Сейчас будет.

Павел посмотрел на котёл, втянул носом воздух.

- Прихватило?
- Немного.
- А сверху?
- Можно.

Матрос не стал спорить. Взял миски, подождал у двери. Клим наливал, стараясь держать черпак у поверхности; жидкость качалась внутри котла, и нужный верхний слой то уходил от руки, то подступал слишком близко к краю. Две миски вышли чистые, в третьей показалась тёмная крошка. Клим прижал её ложкой к стенке и вынул.

Павел отнёс еду. Через несколько минут вернулся с полной миской.

- Не идёт.
- Кому?
- Мне. Другие сами скажут.

Клим смотрел на пар, поднимающийся от миски. В камбузе не было места, куда отступить; тело хотело лечь, стыд требовал стоять и объяснять, что это качка, чужая печь, что он ещё вчера всех накормил и не заслуживает такого возвращённого обеда.

- Сейчас поправлю, — сказал он.
- Чем?

Вопрос был негромкий и не насмешливый. Оттого ответить на него оказалось труднее. Клим вспомнил, как на прежней работе подмастерье однажды залил плохую опару новой и потом ждал, что всё исправится. Он самого подмастерья едва не выгнал. Сейчас Клим уже тянулся к ящику, где хранилось масло.

- Он убрал руку.
- Ничем.

Павел поставил миску на полку.

- Я наверх скажу.

Клим кивнул. Когда дверь закрылась, он отодвинул котёл от огня, закрепил на свободном месте чайник и сел на низкий ящик. Посадка показалась спасением, но длилась недолго: через полминуты пришлось снова подниматься к трапу.

Мизин пришёл, когда Клим уже вернулся. Помощник держался за косяк, чтобы не упасть на печь.

- Что есть готового?
- Хлеб. Сухари. Солонина, но её варить.
- Вчерашнее?
- Всё съели.
- Рыба?

Клим указал на чулан. Там была солёная рыба, пригодная для холодной еды; он сам вчера открыл маленькую бочку, проверяя. От одного воспоминания о её запахе снова подкатило к горлу.

Мизин посмотрел на него и отодвинулся от двери.

- Поднимитесь, пока я достану. Подышите. Потом вернётесь, чай сделаем вместе.
- Я могу.
- Тогда поднимитесь. Это тоже сейчас нужно.

Возражать Клим не стал. На палубе он встретил Гришу, который лежал поперёк лавки с картузом под щекой. Берг сидел рядом, придерживая раскрытую книжку. При виде Клима естественник убрал её и подвинулся.

- И вы? — спросил он.

Клим ничего не ответил.

— Если можно, я с вами посижу, — сказал Берг. — Читать уже не получается, а смотреть на горизонт Григорий мне запретил. Ему от моего спокойствия хуже.

Гриша приоткрыл глаза.

— Я не запрещал.

— Следовательно, неправильно понял.

Берг уселся удобнее, развернув плечи к ветру. Клим стоял рядом: сесть возле Гриши означало признать себя таким же беспомощным, а он всё ещё собирался вернуться к чаю. Из-за борта показалась высокая серая складка воды, проскользнула вниз. У рулевого стоял капитан, наклонившись так, чтобы расслышать сказанное. Лунёв выглядел человеком, которого ничто не может сдвинуть; только рука на поручне меняла хватку при каждом движении шхуны.

Через некоторое время капитан прошёл мимо них.

— В камбузе справляются? — спросил он Клина.

— Да.

— Уже были там?

— Пригорело. Я не успел.

— Мне сказали. Я спрашиваю, сейчас справляются?

Клим кивнул.

Лунёв задержался, глядя на Гришу, затем попросил Берга не оставлять юношу у открытого прохода: если потребуется людям, чтобы можно было сразу пройти. Естественник помог Грише пересесть. Капитан пошёл дальше, не сказав Климу ни одного слова про выдержку и жалованье.

Это немного облегчило унижение и совсем не облегчило дурноты.

* * *

Вторую половину дня Клим запомнил обрывками, но не так, как человек помнит сон: всякий раз, когда оказывался у котла, понимал, что прошёл ещё час, а еда до сих пор нужна. Мизин вытащил рыбу, Осип нарезал хлеб. Ваню отправили на камбуз чистить картошку, однако он протерпел меньше Клина; после первой миски очистков Клим сам отвёл его наверх.

— Не в силах, — сказал Ваня с отчаянием. — Я зимой не болею. Никогда.

— Сейчас лето.

Ваня попробовал улыбнуться, но не смог.

Суп на ужин Клим варил, сидя возле печи. Когда требовалось поднять руку к котлу, приходилось вставать всем телом. Рыбу он не добавлял, делал картофель с луком; в конце попробовал Павла попробовать вместо него. Матрос взял ложку, подождал, пока остынет, и сказал, что соли бы ещё немного.

— Есть можно? — спросил Клим.

— Можно.

— Не просто так говори.

Павел посмотрел на него без улыбки.

— Первое я вернул. Второе сам съел.

Он помог поднять готовое наверх. Клим остался возле печи, и тут голод, который казался умершим с утра, вдруг отозвался болью в животе. Он налил себе супа. Тёплая ложка прошла хорошо, вторая хуже; на третьей пришлось остановиться. Клим ел с долгими промежутками, и к концу миска совсем остыла.

В дверях появился Никита. На большом пальце у него был срезан лоскут кожи, который он придерживал другой рукой.

— Тряпица найдётся?

Клим достал чистый лоскут из швейного свёртка.

— Обо что?

— Сахару отколоть хотел.

— Где?

Никита повёл взглядом к запертому ящику. Ключ от него был у Клима на поясе.

— Своего. Ещё на берегу взял. Ничего от вас, Клим Дмитрич, не пропало.

— Меня так не зови.

— А как звать?

— Климом.

— Вот и ладно. Давай я подержу, а ты заверни. Рукой одной не очень.

Порез оказался мелкий, но кровь шла упрямо. Клим налил воды, дал промыть, прижал чистый лоскут и обмотал палец полоской ткани. Делал это сосредоточенно, забыв на минуту и кашку, и недоеденный суп. Никита рассматривал его руки.

— Хорошо ты это. Тебя бы ещё бороды брить научить, и полного человека получим.

— Сам порежу.

— Так не мне начинай. Саввич и так страшный.

Клим засмеялся и тут же пожалел: смех сдвинул что-то в животе. Никита дал ему маленький кусок сахара.

— Держи. Из-за него теперь работаю вполсилы.

— У тебя весь палец цел.

— А душа?

Он ушёл, прижимая перевязанную руку к груди с чрезмерной заботливостью. Клим положил сахар на язык. Сладость показалась странной после кислого привкуса, державшегося целый день; он сидел с закрытыми глазами, пока кусок не растаял.

Ночью кашка не стихла. Сон приходил коротко, возле самого края пробуждения, и шхуна каждый раз вытягивала Клима обратно. На соседней койке Осип что-то поправлял в своём узле. Тихо, чтобы не будить, несколько раз дёрнул верёвку, потом выругался вполголоса.

— Что там? — спросил Клим.

— Завязали. Не развяжу теперь.

Клим протянул руку. Узел был тугой, стянутый ещё на берегу; пальцы плохо слушались. Они вдвоём повозились, пока Осип не принёс кусочек дерева и не поддел петлю. Внутри лежала сменная рубаша, сухие носки и та маленькая рукавица.

Осип убрал её глубже, не пряча специально, просто освобождая место.

— Это сына. Порвал на днях, я починить обещал. Перед дорогой машинально в карман сунул и так унёс. Теперь маленький подумает, продал.

— Сколько ему?

— Пять. Хитрый. Все деньги будто бы на нём одном держатся. Как дам копейку, ходит весь день, не тратит, пока сестра не увидит.

Он рассказывал ещё немного, сидя возле своей койки и расправляя рубашу. Клим слушал. Где-то над головой стучала снасть, вода тяжело проходила вдоль борта; в этом тесном помещении, пахнувшем мокрой шерстью и людьми, пятилетний мальчик с копейкой казался существом из невероятно далёкого мира.

Под утро Клим заснул крепче. Проснувшись, сперва услышал, что печь ещё не растоплена, и вскочил так резко, что ударился плечом о край койки. Осип посмотрел на него и сказал:

— Не твоя. Ты камбуз во сне уже слышишь. Ещё рано.

Клим всё-таки встал. На палубе было сыро и холодно, но вода под бортом стала ровнее. Он постоял, держась за мокрое дерево, вдохнул и подождал. Дурнота поднялась, удержалась где-то под грудью и понемногу отступила.

На камбузе он вычистил пригоревший котёл. Чёрное долго не отходило; соскребывая дно, Клим оставил два светлых следа на железе. В следующий раз, если бы его спросили про морскую болезнь, можно было отвечать без слова «свежо».

Глава 6. Большая скатерть

Гриша принёс скатерть к обеду. Не полотенце, не тряпку для мисок, а настоящую белую скатерть, сложенную так, что от неё ещё пахло сундуком и сухой лавандой. Он развернул угол возле камбузной двери, и Клим подумал, что юноша сходит с ума от качки дольше, чем остальные.

— Зачем?

— Николай Эдуардович сказал, сегодня за общим столом. Он просил у капитана.

— Мы каждый день едим.

— Вместе. Кто свободен. Остальным потом.

Берг затеял обед после двух ясных суток. Шхуна уже вышла из Белого моря, погода смягчилась, и возле борта снова можно было стоять без постоянной борьбы с собственным животом. Работа шла, к качке понемногу привыкли даже береговые, а естественник получил первые северные записи. По этому поводу он намеревался угостить людей вином из своего дорожного запаса и дать к чаю варенье.

Клим вчера услышал про варенье, решил, что его надо выдать в конце обычного обеда, и только сейчас узнал о скатерти. Суп у него был готов, рыбу он успел запечь; всё рассчитывалось на привычную выдачу, когда люди подходили по очереди.

— Кто столы ставит?

— Ефим и Семён.

— А миски кто понесёт?

— Я могу.

Клим посмотрел на Гришу. Тот держал скатерть на вытянутых руках, чтобы край не касался пола, и очень старался быть полезным.

— Тогда положи чистое. Не сюда. На койку свою. И с двумя мисками зараз по трапу не ходи.

— Я теперь умею.

— С одной тоже умеешь?

Гриша фыркнул и понёс скатерть вниз. Клим приподнял крышку котла. Обед внезапно стал труднее, хотя в нём не появилось ни одной новой картофелины.

Ели на палубе, в стороне от работы со снастями. Ефим устроил два щита на низких опорах и закрепил их так, что при толчке они двигались вместе с судном. Для мисок проложили тонкие рейки. Скатерть покрыла всё, скрыв и полезное приспособление, и две плохо подогнанные доски; Саввич при виде белой ткани долго молчал, потом велел не ставить на неё сапоги.

— Кто ж на стол сапоги? — удивился Ваня.

— А ты уже приглядываешься, как есть.

Ваня отвёл ногу от опоры и выбрал место с краю.

Капитан не менял вахты ради обеда. Мизин оставался у кормы, Павел стоял на руле; им еду Клим отнёс прежде других, чтобы потом не отвлекаться. Помощник принял миску и пожелал общему столу долгой жизни. Павел попросил отложить ему кусок с рыбьей головой: кто-нибудь обязательно решит, будто старшим следует самое большое, а ему голова нравится.

Когда Клим вернулся, Берг уже разливал вино понемногу по кружкам. Естественник снял потёртую рабочую куртку и надел жилет; у Веденина на воротнике появился чистый белый краешек. Матросы оделись кто как, только Осип долго вытирал руки, прежде чем сесть.

— Я не задержу, — сказал Берг, когда Клим поставил котёл. — Хотел поблагодарить капитана и всех вас. На берегу мы договаривались о работе. Теперь видно, сколько в ней зависит от заботы, которую никаким условием не оговоришь.

Клим подумал о мокрых мешках. Их действительно заменили; сухая мука лежала теперь отдельно от принятой раньше, и он успел проверить все горловины.

— Мы ждём от этого лета многого, — продолжал Берг. — Надеюсь, и для каждого из вас дорога окажется доброй.

Он приподнял кружку. Лунёв ответил, матросы последовали его примеру. Клим, наливший суп, не успел взять свою; когда выпрямился, уже все отпили. Никита подвинул ему кружку.

— Тебе ещё дадут. Не торопись, а то для головы пусто.

— Я сперва раздам.

— Мы тебе пока запах оставим.

Берг хотел сказать ещё что-то, но Саввич уже взял хлеб. Естественник улыбнулся и сел, и обед начался без дальнейших речей.

Клим стоял у котла, пока все не получили, затем принялся раскладывать рыбу. Одну жаровню он поднял слишком поздно: из неё потекло на скатерть. Гриша сунул под край тряпку. На белом появилось широкое золотистое пятно, и оба некоторое время смотрели на него в молчании.

— Вот теперь наша, — сказал Семён. — А то из чужого дома.

Берг рассмеялся с явным облегчением. Скатерть принадлежала его сестре; он забрал её, полагая, что в дороге человеку полезно иногда видеть привычные вещи. Теперь Семён разглаживал угол так бережно, будто на материи спал ребёнок.

Клим сел последним. С краю, где ему оставили место, было видно две руки капитана на столе, Бергову книгу в кожаном переплёте и Никитин перевязанный палец. Лунёв ел быстро, выбирая из рыбы кости заранее, до того как поднести кусок ко рту. Берг, напротив, успевал забыть ложку в миске, задав кому-нибудь вопрос.

Сначала он расспрашивал Саввича о прежних рейсах. Боцман отвечал коротко; Никита вмешался и рассказал, как однажды Саввич прятал от попутных людей новый котёл, потому что боялся, что украдут. Утром котёл так и не нашли.

— Нашли, — возразил Саввич.

— После выхода.

— Всё равно нашли.

— А где?

Боцман посмотрел на Берга, потом на Клима.

— В старом. Один в другой вошёл. Чего там рассказывать.

Все засмеялись. Клим смеялся вместе с ними, хотя ещё вчера мог бы сам поставить котлы один в другой и пропустить, что ищет именно их. Гриша попытался добавить свою историю, но в начале ему не хватило слов, а на середине Никита задал вопрос, который превратил всё в небылицу. Юноша покраснел и замолчал. Веденин, сидевший рядом, вернул ему разговор негромко:

— Вы сказали, это было у училища. А в какой день?

Гриша договорил. История оказалась совсем небольшая: мальчишки разыграли учителя, а тот, догадавшись, не стал их наказывать. Пока Гриша говорил, Веденин слушал без улыбки; потом спросил ещё о ком-то из знакомых. Клим заметил, что землемер умеет так сидеть за столом, что рядом с ним люди перестают оправдываться за собственные слова.

Берг достал карту. Лунёв тут же отодвинул свою кружку подальше. Клим хотел отнести посуду, но капитан попросил пока не трогать стол.

На карте Новая Земля выглядела огромной и изломанной. До этого Клим представлял её островом, к которому придут, поработают вдоль берега, а после повернут домой. Теперь он увидел, что острова два, а между ними идёт узкая щель. Берг назвал её Маточкиным Шаром и указал места, где бывали другие суда.

— Мы же здесь пойдём, — сказал он, ведя пальцем по западной стороне. — Сначала дадим Артемию Львовичу его участки, затем посмотрим, насколько удастся продвинуться. В Крестовой меня особенно интересуют...

Лунёв положил рядом с его пальцем ложку, не касаясь карты.

— Если берег будет открыт.

— Разумеется.

— Это к слову «пойдём». Берег сначала посмотрим.

Берг убрал руку.

— Василий Андреевич, я уже научился не распоряжаться парусами. Устройством моей фразы вы тоже намерены заведовать?

Капитан посмотрел на него, и Клим ожидал, что хороший обед сейчас кончится. Но Лунёв усмехнулся.

— Когда по фразе начинают вещи укладывать — да.

Естественник обвёл взглядом сидящих и признал:

— Хорошо. Если берег будет открыт, я попрошу зайти в Крестовую.

Клим смотрел на палец, снова приблизившийся к одному месту. Капитан спросил у Осипа о снастях, разговор распался. Он продолжал видеть узкую щель между островами и наконец наклонился к Веденину:

— А там живут?

— Где?

Клим показал.

— В Маточкином? Да. У западного входа есть становище. Не везде люди. На карте расстояния обманчивые, если глаз не привык.

— Я вижу, что далеко.

— Я вам другое хотел сказать. Между двумя чёрточками может быть работа на целый день. И место, где удобнее подойти с воды, с суши может быть недоступно.

Землемер произнёс это без наставительности. Он сложил край карты, чтобы освободить место для хлеба, и спросил, правда ли Клим собирается открыть пекарню.

— Уже все знают? — спросил Клим.

— Мы очень близко живём.

— Собираюсь.

— Мне нравится запах утром. Я терпеть не могу рано вставать, но когда приходится, хорошо бы идти мимо пекарни.

Клим рассказал, как пахнет первый хлеб, когда вынимаешь его из печи, и как меняется запах, пока корка остывает. Он заговорил охотнее, чем намеревался; Берг прислушался, затем спросил, правда ли хлеб ещё немного печётся, когда уже вынут.

— Он доходит, — объяснил Клим. — Если сейчас разрезать, всё иначе. Подождать надо.

— Как человеку после дороги, — сказал Гриша.

Никита собрался ответить, но Берг попросил передать варенье, и Гришина мысль осталась цела.

Угощение было вишнёвое, густое, с редкими целыми ягодами. Каждый старался поймать ягоду кончиком ложки, притворяясь, что хочет одного сиропа. Ваня получил две, растерялся и предложил одну Саввичу. Тот велел есть, пока не отобрали.

К концу обеда капитан поднялся и пошёл сменить помощника. Мизин пришёл на освобождённое место, посмотрел на пятно, на карту, на банку с вареньем и сказал, что застал самое существенное. Клим принёс ему горячего чая. Рыбью голову, которую просил Павел, отложил отдельно — пришлось отнимать у Никиты уже с тарелки, под общий смех. Сам Павел увидел эту голову позже и сказал, что теперь она гораздо вкуснее.

* * *

Скатерть мыли вдвоём, Клим и Гриша. Пятно не выходило. На ветру мокрая ткань хлопала так, что удержать её можно было только за два угла. Гриша намочил рукава и вывернул манжеты; Клим хотел велеть ему переодеться, но решил сначала закончить.

— Сестра его будет сердиться? — спросил Гриша.

— Чья?

— Николая Эдуардовича.

— На него, может.

— Всё-таки я её принёс.

Клим посмотрел на юношу. Тот тёр щёткой совсем чистое место, отдаляясь от пятна, и всё сильнее сжимал ткань.

— Скатерть на стол кладут, — сказал Клим. — Ты её куда-нибудь ещё постелил?

— Нет.

— Тогда хорош её драть. Уже мылом пахнет.

Они прополоскали ткань и понесли сушить. Берг, встретив их, сначала удивился, потом сам стал выбирать место, где не полетит угольная пыль. Пришлось снова просить боцмана. Саввич долго возился с верёвкой, хотя мог бы сразу указать, где привязать; в результате белое полотнище висело ровно, чуть наискось к ветру.

Клим вернулся на камбуз. Миски были вымыты, котёл пуст, на новой полке лежала одна вишня. Её оставили на чистой деревянной дощечке Ефима, накрыв опрокинутой кружкой. Клим поднял кружку и увидел рядом крошечную лужицу сиропа.

Он не знал, кто сохранил ему ягоду. Съел её медленно, долго держа косточку за щекой, потом вынес косточку вверх.

Белая скатерть светилась над палубой. Под нею, пригибаясь, проходили люди; она никого не могла заслонить от ветра и всё же на короткое время делала шхуну похожей на дом, в котором собрались гости и не торопятся расходиться.

Глава 7. Дома без улицы

Первый белый клочок показался Климу парусом. Он висел низко над водой, не двигался вместе с нею и то пропадал, то возникал снова. Клим решил, что впереди судно, и сказал об этом Осипу. Матрос посмотрел, прикрыв глаза ладонью.

— Снег.

— Где?

— На берегу. Землю ещё не видишь, а его видно.

Клим долго смотрел в указанное место. Потом под белым проступило серое, словно на чистой ткани проявилась влажная полоса. Земля поднималась из воды не сразу: сперва отдельными пятнами, затем длинной тяжёлой спиной. Над нею ходили облака, и невозможно было понять, где кончается камень и начинается небо.

На юге шхуна будто бы всё время куда-то шла. Здесь, возле огромного неподвижного берега, её ход перестал чувствоваться. Снасти пели, под носом шумела вода, а серый выступ впереди оставался на месте. Когда Клим спустился к печи, приготовил чай и вернулся, он обнаружил тот же выступ чуть левее. Это было первое северное расстояние, которое он прожил сам.

В Малые Кармакулы пришли не с разгону. Капитан долго смотрел на берег, велел держать лот наготове, потом отправил к обитаемому месту лодку. Клим остался на судне и сердился на собственное нетерпение: хочется ступить на землю, словно она уже вся обещает отдых. На палубе было холодно, хотя солнце светило ярко. Белые пятна на склонах не таяли у него на глазах и не собирались.

Когда лодка вернулась, Мизин объявил, кто пойдёт первым. Учёные, двое матросов с грузом и капитан. Клим попросился тоже.

— Что вам на берегу? — спросил помощник.

— Спросить, чего из свежего купить. И вообще посмотреть.

— Тогда во второй раз. Нам воду брать, можете.

Он расстроился на минуту, затем ушёл за тарой. Воду приходилось везти на судно: рядом со шхуной её было сколько угодно, пить от этого больше не становилось. Клим принёс чистые бочонки, проверил, как сидят пробки. В одной разбухшее дерево держало так крепко, что он начал поддевать ножом; Саввич отобрал нож и принёс деревянную выбойку.

К берегу Клим пошёл в большой шлюпке. На её дне лежали пустые бочонки и два мешка, которые передал Берг. Саввич управлялся с рулём; Осип и Семён гребли. Клим тоже получил весло, но сначала оно у него больше тормозило, чем двигало лодку. Семён повернулся и показал, когда поднимать лопасть из воды. С третьей попытки Клим стал попадать в общий ход. Руки сразу заболели возле плеч, зато берег начал приближаться.

Дома стояли отдельно, без понятной улицы. Возле одного сохли шкуры, у другого громоздились бочки и тёмные обломки дерева. Дальше виднелась церковь; рядом с жильём Клим различил небольшую будку на опорах, которую Берг потом назвал метеорологической. Собаки, заметив лодку, подняли лай. Их оказалось больше, чем людей, вышедших к воде.

На берегу ждал коренастый человек в выцветшей рубашке, надетой поверх шерстяной. Усы у него свисали к подбородку. Он придержал нос лодки, пока Семён выбирался с верёвкой, затем помог перенести первый бочонок выше.

— Повар? — спросил он Клина.

— Откуда знаете?

— Ваш учёный уже спрашивал, нельзя ли вас в баню пустить. Говорит, человек без мытья несчастный.

Клим невольно потрогал шею. После болезни он мылся, как все, понемногу, и давно перестал замечать, сколько соли остаётся на коже. Оттого, что Берг заговорил о нём с чужими людьми, стало неловко.

— Андрей Терентьевич, — представился хозяин. — Бочонки сюда. От ручья донесёте сами или своих ещё позвать?

— Сами.

Воду набирали медленно. Ручей бежал по камням, подмывая края снега; возле удобного места дно было в мелкой мути, и приходилось наполнять посуду выше, стоя на скользких плитках. Клим первым сунул туда сапог, понял, что вода сейчас перельётся через голенище, и отступил. Осип показал другую опору. Они работали вдвоём, пока Семён с Саввичем относили наполненное к лодке.

Один бочонок Клим поднял неловко. Вода внутри качнулась, обод ударил по ноге. Он зашипел и поставил тяжесть на камень. Осип, не дожидаясь просьбы, подошёл с другой стороны.

— Бери за нижний. Я верх придержу.

Понесли вместе. Удобства не прибавилось: шаги у них были разные, ручка врезалась в ладонь, но по крайней мере бочонок больше не бился о ногу. Возле лодки Клим обнаружил на штанине мокрое пятно и понюхал рукав: одежда и без того пахла сыростью, мокрый берег уже не мог её испортить.

Андрей Терентьевич позвал его в дом после второго рейса за водой. Там было тепло, и тепло сразу сделало Клим сонным. У печи стояла женщина, старше Пелагеи, с плотно повязанным платком. Она нарезала рыбу и, услышав про повара, спросила, не достанут ли на шхуне муки: своей оставалось немного, парохода пока ждали.

— Продать вам? — спросил Клим.

— Если лишняя.

Он едва не ответил, что лишней нет. Муки они действительно брали много, но теперь каждый береговой мешок уже был для него частью кладовой, которую он принял и хотел вернуть капитану целой.

— Спрошу, — сказал он. — Я сам не распоряжаюсь.

Женщина кивнула. Не стала расспрашивать, что он там готовит и сколько у них едоков. Повернулась к печи и достала сковороду. На столе лежали чистый нож, деревянная миска с солью, полотенце; всё было простое и на своих местах. Клим смотрел, как она переворачивает рыбу одним уверенным движением, и понимал, что в этом доме никому не требуются ни его знания духовки, ни даже его одобрение.

— Зинаида, — сказала женщина, не оглядываясь. — Чего на пороге стоишь? Если есть будешь, садись. Если спешишь, так в платок заверну.

Клим сел.

Рыба была свежая, нежная возле костей и хрустящая по краям. Он ел с хлебом, который у хозяйки оставался чёрствым, мелко резанным. Андрей Терентьевич сел напротив, потом достал принесённый с судна мешочек чая. Клим узнал собственную завязку. Значит, Мизин успел договориться ещё до него.

— А у вас зимой сколько человек? — спросил Клим.

— Когда сколько. Кто промышляет, тот уходит, потом возвращается. Теперь, видишь, почти пусто.

— Мы думали, тут народу больше.

— Вам больше надо?

Клим замялся, а хозяин улыбнулся и принялся разливать чай. От дерева в печи шло мягкое потрескивание. За стеной завyla собака; Зинаида стукнула по окну, и вой оборвался на половине звука.

— Местные? — спросил Клим, показывая головой наружу.

— Собаки? Здешные. Разные. Летом им дурно: работы нет, всё своё горе выговаривают.

Клим спросил, где берут дерево. Андрей Терентьевич сперва решил, что речь о доме, затем понял про дрова и показал в сторону берега. Плавник выбрасывало не всегда и не туда, где удобно брать. Его собирали, перетаскивали, сушили; хорошее длинное бревно шло в дело прежде, чем куски оставляли на огонь.

— Вы со своим лесом? — спросил хозяин.

— Есть дрова. И уголь.

— Это правильно. На воду-то смотреть — будто всего много. А пойдёшь что-нибудь брать, оно далеко.

Зинаида поставила перед Климом ещё кусок рыбы. Он отказался, потому что уже был сыт, и только потом сообразил, что мог попросить завернуть для кого-нибудь на судно. Хозяйка убрала сковороду без обиды; еду здесь не уговаривали уничтожить немедленно.

За мукой Клим вернулся к капитану. Лунёв сидел с Бергом в другом доме и просматривал бумаги. Выслушал, спросил, сколько просят, разрешил небольшой мешок в обмен на свежую рыбу, которую хозяева могли отдать.

Пока несли муку, Зинаида предложила поставить опару у неё. Из камбуза на берег Клим выбрался за свежей едой и водой, а к вечеру уже стоял в чужом доме перед тёплой печью, с закатанными рукавами, и расспрашивал, где держать миску, чтобы не мешала.

Она сказала, что не мешает пока нигде.

* * *

Баню натопили на следующий день. За тепло и работу договорился помощник; мылись по несколько человек, не устраивая из этого праздника, пока не оказались внутри. Клим сперва долго лил воду на плечи. На коже выступил привычный собственный запах, почти забытый за морской сыростью, и от этого ему стало весело.

Никита сидел на нижней полке, держа порезанный палец выше остальных, словно тот был отдельным пассажиром.

— Ты его тоже помой, — сказал Саввич. — А то берег увидел один, рука не видела.

Никита погрузил руку в таз и зашипел. Ваня, которого посадили подальше от самого жара, смеялся беззвучно: от первого пара он покраснелся так, что Саввич велел пока сидеть и не геройствовать.

После бани Клим писал письма. Два. У капитана для него нашлись бумага и конверты; послать можно было с оказией, оставив у людей, которые ждали парохода. Точного дня, когда письма дойдут, никто не знал, но впервые появился хоть какой-то путь к Марье и Пелагее.

Сестре он написал: «Жив и здоров. Пришли благополучно. Не беспокойся». Потом зачеркнул последнее: Марья наверняка рассердилась бы на такой приказ. Добавил про свежую рыбу и баню, чтобы из письма было понятно, что здесь едят и моются, а не просто числятся живыми.

Пелагее начал иначе. Долго писал о доме без улицы и белом снеге над морем, затем сообщил, что хлеб на судне получается. Чуть не спросил, нашла ли она временного пекаря, и удержался: письмо, которое придёт неизвестно когда, не годилось для распоряжений.

В конце написал, что помнит её у пристани. Прочёл, подумал и добавил: «В синем». На большее пока не хватило смелости.

Берг принёс свои конверты. Он не стал смотреть, что Клим убирает в клеёнчатый чехол, только попросил отнести всё вместе. Естественник оказался в вымытой рубахе, с мокрыми волосами, зачёсанными назад; впервые его лицо выглядело таким молодым, что Клим не сразу узнал.

— Завтра дальше, — сказал Берг.

— Куда теперь?

— Вдоль западного берега. Пока пускает.

Последние слова он произнёс без улыбки. Утром они снова увидят склоны, воду, новые камни и птиц, но теперь Клим знал, что останутся позади тёплая печь, Зинаидины полотенца и человек, который сумеет передать два его конверта домой.

Глава 8. Люди с берега

Через несколько дней после Кармакул Николай Эдуардович добыл Клима в помощники через капитана. Сам подошёл к повару после завтрака, когда тот как раз отмыл последний котёл, и спросил, не желает ли прогуляться. Клим решил, что опять требуется перенести образцы, и посмотрел на стоявшие у люка ящики.

— На берег, — уточнил Берг. — Дадим вам увидеть не только стол.

Клим захотел немедленно. Он уже заметил, что остановка шхуны вовсе не означает свободного дня: люди уходят, возвращаются, требуют горячего, но у повара берег всё время существует по ту сторону борта. Поход к Зинаиде оказался отдельной удачей. Здесь, севернее Кармакул, до него добирались только принесённые Гришей камешки да Саввичевы ругательства из-за слишком долгих сборов.

— Обед к кому? — спросил Клим.

— Договорено. Оставьте, что нужно, помощник управится. Ему тоже хочется побыть великодушным.

На самом деле Мизин потребовал приготовить всё холодное заранее и показать, где стоит чай. Клим нарезал хлеб, достал рыбу, оставил под крышкой вчерашнюю кашу; миску с тестом убрал подальше от сквозняка. На вечер рассчитывал сделать лепёшки. С собой Берг велел взять еду на весь день и тёплую вещь, хотя на палубе можно было стоять без куртки.

— Там ветер, — объяснил он.

— Тут тоже.

— Тут вы домой через дверь уходите.

Слово «домой» удивило Клима. Он оглянулся на низкий проход в камбуз и понял, что уже сам употребляет его про это тесное место, если говорит, где оставил полотенце.

В лодке было пятеро: Берг, Гриша, Клим, Ефим и Павел. Плотник шёл взглянуть на плавник в глубине небольшой бухты, Павел — грести и помогать с береговой работой. Место капитан выбрал на западной стороне Северного острова, до будущей Крестовой им ещё предстояло пройти. Из судового разговора Клим понял только, что здесь люди промышляли и прежде, а Артемий Львович хочет проверить подход к воде. Землемер ушёл с другой группой утром.

На берегу снег лежал в ложбинах. Рядом темнела мокрая земля с мелкой травой; за ней поднимались камни, красноватые, серые, почти белые. Всё казалось мёртвым только издали. Стоило нагнуться, как обнаруживались крошечные листья, жёлтый цветок у самой земли, мухи возле тёмного пятна. Гриша сразу опустился на корточки. Берг велел сперва отнести вещи повыше и привязать лодку.

Клим подхватил холщовый мешок. Тот оказался тяжёлым. Он посмотрел, что несёт: жестяные коробки, бумага, небольшая лопатка, молоток. От еды внутри остался только узел, который Клим уложил сам.

— Вы это всё сегодня наберёте?

— Нет, сегодня столько не потребуется. Коробки лёгкие, пока пустые.

— А обратно?

— Потому и вы с нами.

Берг сказал это совершенно серьёзно, потом увидел Климино лицо и добавил, что сам тоже понесёт. Повару стало стыдно за мгновенную досаду, но от этого мешок легче не сделался.

Первые полчаса Клим не понимал, куда девать руки. Берг останавливался возле низких растений, разглядывал, отмечал место, выкладывал что-то на бумагу. Гриша подавал нужное. Ефим и Павел пошли вдоль полосы плавника, и скоро из-за камней донёсся стук топора. Клим стоял с мешком и чувствовал себя человеком, который попал на чужую свадьбу раньше музыки.

Естественник подозвал его к камню. Между двумя плитами выросла невысокая кучка зелени с редкими белыми цветками.

— Возьмите отсюда. С землёй. Целиком не выдёргивайте, корень сохраните.

Клим присел, попробовал поддеть лопаткой и упёрся в камень. Сверху было немного мягкой земли, ниже начиналась другая плита. Он выругался, услышал, как Гриша прыснул, и стал подбирать инструмент иначе. Корни у растения расходились вбок, уходя туда, где он не ожидал. Чтобы взять совсем маленькую травку, пришлось расчистить пространство величиной с собственную ладонь.

— Тут ей расти негде, — сказал он.

— Ей хватило.

Берг принял комок, завернул, подписал. Он был так доволен, будто Клим достал из трещины монету. Следующее растение доверили Грише. Юноша уже не торопился: смотрел, где идёт корень, выбирал землю мелкими порциями. Берг отошёл недалеко, и Клим наконец смог посмотреть вокруг без постоянного ожидания нового поручения.

Море лежало ниже, между камнями. «Верба» с берега выглядела лёгкой: две мачты, светлые обводы корпуса, чёрная черта борта. Не верилось, что внутри есть котлы, уголь, койки, тринадцать человек и два мешка, из-за которых совсем недавно можно было всерьёз сердиться.

— А для промысла это зачем? — спросил он, показывая на завёрнутое растение.

Берг посмотрел туда, потом на него.

— Это мне.

— А я думал, вы все деньги от одного хозяина взяли.

— Не все. Я часть снаряжения оплатил сам. Тот, кто нанял судно, хочет знать о стоянках, рыбе, звере. Мне дозволено делать своё, пока это совместимо с общей работой.

— И вам за траву платят?

Гриша замер, как будто Клим сказал непристойность. Берг, напротив, ответил без раздражения:

— Иногда. Но гораздо меньше, чем за хороший хлеб. И реже.

Клим понял, что задавал не тот вопрос, и помолчал. Берг сам продолжил: образцы пойдут в собрания, часть надо будет сравнить с другими, записи переписать. Работа не окончится, когда они вернутся в Архангельск. Говорил он с удовольствием, и Клим узнал эту манеру: так он сам рассказывал о печи человеку, который впервые поинтересовался не ценой каравая, а тем, отчего корка треснула именно здесь.

— А мне, если свою пекарню заведу, — сказал Клим, — тоже сперва много просто своего делать придётся. Пока кто-нибудь брать начнёт.

— У вас преимущество. Ваш результат можно съесть.

Они оба посмотрели на маленький завёрнутый ком земли. Гриша засмеялся так заразительно, что Берг тоже не удержался.

Позже пришли за плавником. Ефим нашёл длинный ствол с хорошей сердцевинкой, но снаружи дерево напилось водой. Он хотел взять только полезную часть, не таскать гниль; Павел уже отпилил один конец. Вдвоём они могли дотащить его до лодки, если идти прямо. Прямо лежала полоса вязкого грунта, где ноги проваливались выше щиколотки.

Клим предложил обойти по камню. Обход занял бы больше времени, зато бревно не пришлось бы вынимать из грязи после каждого шага. Ефим посмотрел на путь, примерил расстояние и согласился. Под короткий конец подложили верёвочную петлю; Клим взялся вместе с Павлом. У Ефима остался длинный конец. Они двигались, останавливаясь у каждого неудобного камня, и всё время спорили, когда именно поворачивать.

Бревно было совсем небольшое на земле. На руках оно росло, становилось тяжёлым, неудобным, требовало лишнего пальца в том месте, где как раз кончалась ладонь. Клим

несколько раз хотел предложить бросить и найти другое, но знал, что это говорит за него усталость. Ефим не тащил ненужного: сам перед тем отпилил и оставил достаточно.

До лодки дошли. Берг встретил их без героических слов, снял с Клима мешок, который тот забыл оставить возле сбора растений, и поставил повыше. Повар только тогда ощутил, сколько лишнего веса нёс на спине.

— Чего не сказал? — спросил он Гришу.

— Я думал, вам так удобнее.

Клим хотел рассердиться, но сел на камень и вдруг рассмеялся. В смех вмешалось тяжёлое дыхание. Павел, стоя у лодки, посмотрел на него и тоже улыбнулся одним уголком рта.

Поели, отвернувшись от ветра. Берг действительно нёс с собой тёплую куртку, и к середине дня Клим надел свою: на берегу разгорячённое тело быстро остывало. Холодный хлеб с рыбой оказался вкуснее, чем он ожидал; тёплой была только вода в небольшой хорошо укутанной бутылки. Ефим выпил глоток, покачал головой и сказал, что чай надо делать у огня, иначе всё равно обман.

После еды Берг показал Климу, как складывать бумагу, чтобы не сломать образцы. Клим попробовал, испортил первый лист и сделал второй. Это было не так далеко от его собственного ремесла: руки требовались чистые, движения — размеренные, терпение — не только до первой удачи.

К лодке вернулись с новым грузом. Плавник закрепили посередине, чтобы не мешал гребсти; мешки с образцами уложили на сухую подстилку. Клим и Павел сели на вёсла. С берега подуло холоднее. Пока они добрались до «Вербы», пальцы у Клима заledenели, а плечи болели от дерева и непривычной гребли.

На палубе его встретил Мизин.

— Всё видели?

— Ещё не всё.

— Это хорошо. А то я за кашу беспокоился. Поставили варить, теперь вы принимайте.

Клим спустился, понюхал и сразу понял, что каша будет хорошая. Помощник не стал прибавлять огня, хотя это было бы быстрее, не потерял время и не оставил котёл без присмотра. Повар посмотрел на отложенное тесто. Оно немного перешло, но ещё годилось; лепёшки должны были получиться.

Вечером Берг принёс к камбузу узкую коробочку и показал одну из травок. Та лежала между листьями, расправленная, уже с подписанной полоской бумаги. Клим узнал свой корень, который с таким трудом вынимал из трещины.

— Вот ваша, — сказал естественник.

— Мою фамилию поставили?

— А хотите?

Клим неожиданно захотел. Берг вписал рядом с собственными заметками: «Собрал К. Рябинин». Повар посмотрел на своё имя, потом на вымытые от теста руки и не стал объяснять, отчего ему это приятно.

Глава 9. Красная рыба

К концу августа Клим перестал считать каждую стоянку прибытием. Почти весь месяц они перебирались от одного рабочего места к другому: шхуна подходила, на берег отправлялись люди, возвращались с мокрыми ногами, иногда с добычей; потом берег снова принимался двигаться мимо. На одних местах задерживались, другие капитан отвергал ещё до того, как Берг успевал разложить коробки. Клим научился замечать это по тому, как Мизин убирает неиспользованную снасть: спокойно или с обидой за уже сделанную работу.

Губа Крестовая оказалась гораздо просторнее, чем ожидал Клим. За входом открылось столько воды, что не сразу стало понятно, куда они пришли. Каменистые островки меняли очертания, горы стояли слоями, и между ними постоянно обнаруживались новые проходы. Гриша всё спрашивал у Веденина, где именно они сейчас находятся. Землемер отвечал, пока мог показать пальцем, затем предложил дожидаться остановки.

— Небольшое лето у нас осталось, — сказал однажды Саввич.

Он говорил это не о морозе. Свет ещё держался долго, вода возле шхуны была открыта. Однако после слов боцмана Клим заметил, что с берега всё чаще возвращаются в мокрых куртках, а отложенную под навес сушку приходится переносить внутрь.

Устье речки нашли не сразу. По чужому описанию оно должно было открыться за тёмным выступом. Выступов оказалось три. Веденин и Никита ушли на малой лодке, потом вернулись, привезли рыбу и объявили, что третий — тот самый. На следующую вылазку взяли сеть, соль и пустую бочку. Для Клима это было событие важнее двух ящиков камней: появилась работа, результат которой можно положить в котёл.

Рыба шла холодная, с тусклой серебристой спиной; у некоторых брюхо отливало красным. Её вытаскивали из сети, и Клим сперва только принимал, укладывал в корзину, давал не удариться о голый камень. Живая рыба была сильнее, чем казалась с судна. Она дёргалась, выскальзывала, била по рукам; одну Клим всё-таки упустил в щель и долго доставал, пока Никита смеялся над ним с воды.

Потом всем стало не до смеха. Сеть надо было выбирать, освобождать, снова готовить; рыбу чистить или немедленно укладывать, не давая ей лежать грудой на солнце. Клим попросил принести воды, заточил второй нож и передал его Осипу. Матрос взял нож, попробовал лезвие ногтем, вернул.

— Этим не стану. Слишком ловкий.

— Острый.

— Вот именно. Мой знаю.

Он достал собственный и работал медленнее, но увереннее. Клим хотел показать, как быстрее раскрывать брюшко, посмотрел на его руки и удержался: Осип с рыбой не впервые сидел.

Веденин ходил от воды к верхнему камню с книжкой и измерительной лентой. На берегу он выглядел менее нарядным: низ штанов был в грязи, воротник распахнут. Он записывал не только улов. Смотрел, где можно поставить временный стан, как подойти лодке, откуда брать воду, не затопит ли низкое место. Никита несколько раз звал его помочь с сетью; землемер отвечал, что сейчас подойдёт, и всякий раз прежде делал ещё одну отметку.

Клим в конце концов сказал:

— Артемий Львович, он один там не управится.

Веденин закрыл книжку. Положил её в мешок, снял куртку и вошёл в воду. Через несколько минут рыба задвигалась на берегу быстрее. Клим не стал благодарить вслух, чтобы не получилось, будто он нанял землемера; только отложил свой лучший нож так, чтобы тот мог взять, если потребуется.

На время еды устроились за грядой камней. Осип принёс сухие щепки, Никита — маленький котелок. Огонь раздували долго: тонкое дерево снаружи было мокрое, ветер тянул дым к рукам. Клим ворчал, что на судне давно всё сварил бы. Когда наконец запахло горячей рыбой, первый потянулся к котелку сам.

Никита ел осторожно, переставив ложку в другую руку. Повязку он уже снял, на порезе оставалась тонкая красная полоска. Клим спросил, заживает ли.

— Заживает, — ответил тот. — Не надейся, с бритъём пока подождём.

Веденин сидел на своей куртке и сушил ступни. Рядом стояли сапоги, из одного ещё капало. Он вынул из кармана часы, посмотрел и снова спрятал.

— Теперь сколько стоянок надо, чтобы хозяину хватило? — спросил Осип.

— Ему не стоянки нужны.

— Это я понимаю. Я про наш срок.

Землемер повернул к нему лицо. Дым проходил между ними, и Веденин подождал, пока ветер отведёт его в сторону.

— Мне назначены работы. До конца лета. Срок возвращения определяет капитан.

— А если работы не успеете?

— Запишу, что не успел.

Осип опустил ложку.

— Записать-то можно всё.

— Да. Только море после записи не обязано исправиться.

Клим прислушивался. Осип спрашивал не из любопытства, а Веденин уже начал отвечать так, чтобы не дать лишнего обещания. Костёр догорал; надо было или подкладывать, или снимать котелок. Клим снял и разлил остатки, себе оставил немного тёплой жидкости на дне.

— Мне с осени хлеб ставить, — сказал он. — Я тоже на возвращение рассчитывал.

Осип посмотрел на него с благодарностью. Веденин не обрадовался и не стал оправдываться.

— Тогда спрашивайте капитана прямо. Я за его решение не расписываюсь.

Он встал, поднял мокрые носки и принялся осторожно выкручивать над камнем. Разговор кончился не потому, что все согласились. Никита ещё несколько раз хотел что-то вставить, но увидел Осипово лицо и промолчал.

После еды работу продолжили. К вечеру рыбы набралось достаточно, чтобы часть приготовить свежей, часть засолить. Клим пересыпал солью подготовленные тушки, следил, чтобы не оставалось полостей, прижимал слой к слою. Осип помогал молча. Через некоторое время матрос спросил, много ли теста уходит на один большой каравай. Вопрос был так далёк от всего, что они делали, что Клим сперва не понял.

— Смотря какой хлеб.

— Ну такой, чтобы детям резать.

Клим показал руками. Осип посмотрел на этот невидимый хлеб, потом на бочку с рыбой.

— У меня жена умеет. Только печь плохая. Верх всё время белый, а снизу горит. Я камень ей искал, под низ класть. Притащил, она прогнала. В доме, говорит, и так всё на подпорках.

Клим рассказал, какой камень брать не следует, затем сам остановился: совет сейчас всё равно не доберётся до Осиповой кухни. Он предложил по возвращении посмотреть печь, если матрос покажет. Осип кивнул, будто они договорились о чём-то более надёжном, чем срок окончания рейса.

Когда бочку закрыли, Никита потребовал объявить его главнейшим добытчиком обеда. Выяснилось, что это даёт ему право нести самый лёгкий конец. Осип сказал, что лёгкий конец бочки ещё никто не видел, и предложил Никите сначала выбрать.

Несли втроем на коротких жердях. Веденин шёл сбоку и придерживал верх, чтобы бочка не покатила на наклонном месте. Они несколько раз останавливались, менялись местами,

смеялись уже сердито. Клим чувствовал плечом дерево, в руках горела усталость, но когда бочка оказалась в лодке, ему захотелось ещё раз взглянуть на берег. Там остались потухший костёр, блестящая вода и камень, возле которого они только что говорили о домашних печах.

На судне капитан выслушал отчёт об улове и спросил, как подход. Веденин раскрыл книжку. Клим стоял рядом, дожидаясь, пока помогут принять рыбу, и увидел, что у землемера дрожат пальцы: те ещё не согрелись после воды.

— Не раньше следующего лета здесь постоянный ход устраивать, — говорил Веденин. — Сначала смотреть в другую воду. На том уровне лодка проходит, на меньшем неизвестно. Для тяжёлого судна я не отвечаю.

— Я и не спрашиваю для тяжёлого, — сказал Лунёв.

— Записать это всё равно надо.

Капитан кивнул. Они склонились над книжкой. Клим понёс свою рыбу к камбузу, думая о том, сколько разных ответов может получиться на простой береговой вопрос: «Ну что, место хорошее?»

Ночью он всё-таки спросил капитана, когда они повернут назад.

Лунёв стоял у борта. Лицо его было почти не видно, только белела открытая часть рубахи под курткой. Далеко у гор лежала светлая полоса, выше неё небо стало тёмно-синим. Клим уже отвык от настоящего ночного цвета и сейчас невольно смотрел мимо капитана.

— Не сегодня, — ответил тот.

— Я не про сегодня.

— Когда решу, всем объявлю. Думаю, неделя ещё есть.

— А обратно сколько?

— Смотря как пойдём.

Клим дожидался чего-нибудь более определённого, пока не понял, что капитан уже ответил. Лунёв вдруг спросил:

— Вам письмо удалось передать?

— Оставил в Кармакулах.

— Хорошо. У меня тоже там. Хоть они раньше нас дойдут.

Он сказал это спокойно, почти без выражения. Клим посмотрел на его плечи, на руку, лежавшую возле борта. До сих пор ему казалось, будто капитан о собственной береговой жизни вспоминает только перед выходом. Вопросов об этой жизни он задавать не стал. Постоял ещё немного и пошёл вниз проверять засол.

Глава 10. Семь дней

Капитанская неделя длилась для каждого по-своему. Гриша успевал за день переписать столько, что к вечеру не хотел брать ложку правой рукой. Ефим, напротив, считал дни слишком короткими: у него всё время оказывалась деталь, которую нельзя бросить на середине, а начинать другую уже не стоило. Клим жил от опары к опаре и успевал радоваться, когда хлеб получался без новой хитрости с заслонкой.

Лунёв объявил, что дальше к северу не пойдут. Сначала доделают здесь, в Крестовой, затем возьмут обратный путь. Берг принял это без спора. Он попросил два береговых дня, которые могло дать только спокойное море; капитан ответил, что два дня работы не обязательно поместятся в два календарных дня. Клим услышал их разговор случайно, когда принёс чай.

— Знаю, — сказал Берг. — Дайте хотя бы попробовать.

— Пробуйте. Но лодку по моему зову верните.

После этого на судне стало теснее от окончаний. Собранное упаковывали, расписывали, укладывали ниже; вещи, которые ещё предстояло использовать, держали отдельно, и они попадались под ноги чаще прочих. Веденин раскладывал листы так, чтобы не перепутать поздние промеры с ранними. Гриша нарезал бумажные полоски. Клим однажды наступил на этикетку, поднял и вернул юноше. Тот посмотрел на отпечаток подошвы и сказал, что теперь её придётся переписать.

— Она же читается.

— Мне Николай Эдуардович разрешает исправления, когда без них нельзя. А это след сапога.

— Скажи, кто прошёл.

Гриша поднял глаза.

— Она рыбе будет. Рыбе до вас дела нет.

Клим ушёл смеясь. Возле камбуза он вспомнил, что сам вчера отложил каравай с косой трещиной, хотя он был совершенно съедобный, и приготовил из него сухари.

Плотник тем временем разбирался с большой шлюпкой. Её спустили для осмотра, подвели к борту; Ефим клал в неё инструмент и всё, что требовалось примерить. На дне после долгой стоянки оставалась вода. Немного, но плотнику не нравилось, где она проступала. Он велел Ване вычерпать насухо, потом прижать тряпку к шву.

Клим принёс им кружки с чаем. Ефим взял свою, даже не вытирая рук, отпил и поставил на банку. Ваня хотел тоже поставить рядом; плотник переставил его кружку на сухое место у борта.

— Мою увидишь, свою локтем снесёшь.

— Я не задену.

— Тогда так и стой. Чего поставил?

Ваня взял кружку обратно. Клим устроился на краю палубы, глядя вниз. Большая лодка отсюда казалась неуклюжей, но вместительной; меньше шхуны, больше любого домашнего предмета, который ему случалось двигать.

— Сколько она длиной? — спросил он.

Ефим показал рукой вдоль борта.

— Веденин мерил, шесть с половиной метров. Малая — четыре с половиной. Эта груз брать умеет. Та для лёгкой работы, крутится живее.

— Все сядем, если надо?

Плотник поднял лицо.

— В две сядете. Только это не значит, что садиться надо. С грузом, с волной — другой разговор.

Клим посмотрел на промежуток воды между лодкой и шхуной. Ефим сказал обыкновенную вещь, вопрос сам напросился, но от ответа стало неприятно, как бывает, если посреди сытого дня услышать о будущей нехватке.

— Я так спросил.

— Так я так ответил.

Течь оказалась в небольшом разошедшемся месте. Лодку подняли и уложили на колодки; Ефим очистил шов, подготовил, законопатил. Ваня работал рядом; в какой-то миг юноша заслушался и рассеянно вертел в руке инструмент, а плотник молча протянул ладонь. Инструмент вернулся на место. Потом шлюпку снова спустили, положили в неё груз, дали отстояться на воде. Ваня спустился проверить дно, провёл по доскам сухой тряпкой. К вечеру Ефим объявил, что годится.

Мизин велел оставить на большой шлюпке приготовленные по порядку вёсла, уключины, руль, небольшой парус и его снасти, но всё убрать и привязать, чтобы не болталось. На малой был свой набор. Клим видел, как помощник по одному осматривал эти предметы; не просто пересчитывал, а ставил на место, примерял, заставлял Ваню повторить за ним.

Среди вещей лежали небольшие жестяные черпаки. Клим поднял один, провёл пальцем по краю.

— Этим воду?

— Если придётся, — ответил Мизин. — А вы чем думали?

— Я думал, надо край загнуть. Порежешься.

Помощник взял черпак, ощупал и передал Ефиму. Тот обещал обжечь край. Клим почувствовал неожиданное удовлетворение: нашлось на этом судне железо, о котором он знал не меньше остальных.

* * *

Последний береговой день Берга начался с ссоры из-за сушки. Естественник хотел оставить возле печи коробку с образцами; Клим снял её накануне, потому что от неё тянуло чужим запахом к тесту. Берг предполагал, что повар переставил коробку совсем ненадолго. Оказалось, та простояла всю ночь в холодном месте, и его работа почти не продвинулась.

— Мы же договорились, — сказал он.

Клим помнил другой разговор. Берг просил помочь с сушкой, он ответил, что попробует, и несколько вечеров терпел коробки возле огня, пока не заметил, что хлеб начинает пахнуть не своим.

— Я не могу здесь всё держать.

— Но вы могли сказать прежде, чем убирать.

— Вы вчера на берегу были.

— А вечером я на судно вернулся. И сегодня стою перед вами.

Клим взялся за длинную деревянную лопатку, хотя мешать было нечего. Берг говорил вежливо; от этого казалось, будто уже заранее считает повара человеком, который не понимает простых обязанностей. Естественник ждал, что коробку вернут немедленно. Клим ждал, что тот заметит котёл, тесто и узкий проход.

— Возле еды это пахнет, — сказал он наконец.

Берг посмотрел на печь.

— Почему вы сразу не сказали?

— А почему сразу нельзя другое место?

Они замолчали. За дверью прошёл Семён с ведром; замедлил шаг, потом всё-таки ушёл дальше. Клим убрал лопатку. Берг взял свою коробку, понёс к двери, задел косяк и едва не уронил. Повар подхватил нижний угол. Несколько секунд они держали коробку вдвоём, стоя совсем близко, и от этого продолжать спор было уже нелепо.

— У меня место нетёплое, — сказал Берг.

— У меня пищевое.

Естественник дёрнул бровью, сдерживая улыбку. Клим услышал собственное слово и сердито поставил коробку на пол.

Решение нашёл Мизин. Он указал закрытый угол, где можно было подвесить небольшую решётку в тёплом воздухе, не у камбузного стола; прежде пришлось убрать оттуда часть одежды. Берг должен был сам следить за сушкой, не отдавать её Климу вместе с поручением помнить. Клим обещал впредь предупреждать, если меняет место. Оба согласились без удовольствия.

Вечером Гриша принёс ему баночку кислого ягодного сиропа — оставалось из дорожного запаса Берга. Клим спросил, за что.

— Николай Эдуардович сказал передать к ужину. Не за что, просто осталось.

— Иди ешь.

Гриша ушёл. Клим посмотрел на баночку и вдруг рассердился снова: было бы легче, если бы Берг пришёл сам и хоть немного ещё поспорил. Он разделил сироп на всех, добавляя в кружки с водой, и себе налил только тогда, когда увидел на дне последний тёмный глоток.

За ночь ветер переменялся. Утром на палубе посвежело, и на склонах, где ещё вчера лежала голая тёмная земля, выступили тонкие белые полосы. Снег не держался долго, но никто уже не называл его прошлогодним.

Капитан велел готовиться к выходу.

Глава 11. Другая стоянка

Обратный путь начался с того, что «Верба» пошла не в ту сторону.

Клим узнал об этом уже после завтрака. Он успел вымыть посуду, отобрать крупу на следующий обед и вынести наверх ведро с грязной водой. У борта стояли Осип и Никита, смотрели на проход между тёмным островком и берегом. За проходом начиналась знакомая широкая вода; шхуна пока оставалась на прежнем месте.

— Уходим? — спросил Клим.

— Переставляться будем, — ответил Осип.

— Куда?

— Туда.

Матрос показал к востоку, в глубину губы. Клим видел там склоны, невысокий мыс, полоску берега возле него. За последнюю неделю он узнавал всё это по-разному: с палубы, из лодки, с того камня, где чистил рыбу. Теперь мыс выглядел чужим, потому что на него предлагали идти целой шхуне.

Капитан разговаривал с помощником. Лунёв держал в руке сложенный лист, Мизин смотрел туда же, куда Осип. Между ними время от времени вступал Саввич; боцман не спорил, только задавал короткие вопросы. Веденин уже унёс свои бумаги вниз.

С запада тянуло сильнее. На открытой воде между островками появились белые гребни, которые ещё утром были редки. На стоянке можно было держаться, но шхуну дёргало, и корму всякий раз медленно разворачивало так, что работа у борта становилась неудобной. Выходить в море капитан передумал. Он собирался переждать за выступом берега, где две недели назад на лодке проверяли удобную бухточку.

Климу это объяснил помощник, проходя мимо.

— Недолго, — добавил он. — Обед на обычное время. Приберите только всё как следует.

— У меня прибрано.

Мизин остановился, посмотрел на ведро в его руке.

— Это тоже.

Клим убрал ведро. Потом затворил дверцу печи, проверил скобы и поставил горшок с тестом на низкое место, где тот упирался в деревянную планку. На обратном пути он хотел чаще печь хлеб, пока оставались дрова и продукты не отсырели; к концу рейса у каждого была бы лишняя причина вспоминать повара добром. Сейчас тесто ещё не подошло, и, если пришлось бы задержаться, ничего особенно плохого не случилось бы.

Свою готовность он проверил дважды, поднялся и спросил Саввича, не помочь ли чем. Боцман велел держаться возле трапа: люди с канатом пойдут, не надо мешать. Клим послушался. Он всё ещё не мог заставить себя уйти вниз в тот миг, когда шхуна начинала двигаться, — будто без его взгляда там наверху что-нибудь обязательно произойдёт иначе.

Якорь выбирали тяжело. Ваня и Павел работали вместе с другими, поочерёдно тянули, переступали, брались снова; Саввич следил, чтобы ничьих ног не оказалось там, где движение могло сорваться. Из воды показалась тёмная мокрая цепь. Клим смотрел на неё и думал, сколько в простом стоянии на одном месте скрыто труда, который с берега совсем не виден.

Парусов оставили немного. Над палубой хлопнуло полотнище, натянулось, и вода возле борта пошла быстрее. Клим почувствовал знакомый наклон, перенёс тяжесть на другую ногу. Теперь тело отвечало вовремя: ему больше не приходилось дожидаться, пока стена сама приблизится к плечу.

Возле рулевого стоял Лунёв. Он следил то за водой, то за берегом. Мизин держался ближе к носу; оттуда доносились слова человека с лотом. Клим понимал только числа и всякий раз

дождался, как на них ответят. Капитан не отвечал. Числа входили в его работу вместе с ветром и берегом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.